

СМЕНА

Швецарь

13
1955

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ХОДИТ СЧАСТЬЕ ГДЕ-ТО РЯДОМ

Слова А. СУРКОВА. Музыка В. СЕРЕЖНИКОВА.

Yerphno

За высоким палисадом
Земляника расцвела.
Ходит счастье где-то рядом
По околице села.

Ходит доля золотая,
Не хоронится в кусты.
Ходит радость, заплетая
В косы девушки цветы. } 2 раза

Наша песня звоном чистым
К тихим звездам льется ввысь,
Соловиным пересвистом
Сердце сердцу отзовись.

Нам навстречу с небосклона
Звезды сыплются дождем.
Мимо дуба, мимо клена } 2 раза
Мы по улице идем.

Нашу радость над равниной
Сторожит высокий вяз.
В полночь песней соловьиной
Темный бор встречает нас.

Расцветает над оврагом
Колокольчик голубой.
Ходит счастье легким шагом } 2 раза
Вслед за мной и за тобой.

На первой странице обложки: Комсомолка Раиса Васильева, сварщица Калининского вагоностроительного завода, довольна: сегодня она выполнила норму на 180 процентов. Качество сварки отличное! (См. на стр. 3 этого номера очерк Е. Зорина «Беспокойные сердца»). Фото Е. Дона и А. Бурмана.

На второй странице обложки: Фотоэпюд В. Тюккеля.

На четвертой странице обложки:
Летним днем в спортивном городке Еревана.
Фото Н. Хоружего.

ЖДЕМ ВАС НА ЗАВОДАХ

Не так давно я получил небольшое письмо от учеников одной из харьковских школ. Выпускники десятого класса просят меня приехать к ним и рассказать о своей работе, о специальности фрезеровщика на заводе. Такие приглашения в последние дни часто и отклоняются на них скотно. Мне понятно стремление молодых людей послушать кадрового рабочего. Не раз на этих встречах я замечал, с каким юным вниманием юноши и девушки слушают меня. И в то же время часто убеждался, что мало, очень мало знают школьники о производстве, плохо представляют себе жизнь и работу на заводе. Это заставило меня задуматься.

Каждый год сотни тысяч молодых людей оканчивают среднюю школу. И хотя перед ними открыты самые широкие дороги, многие из них видят только одну — прямо со школьной скамьи в институт. А есть такие, которые еще толком не решили, куда пойти учиться. Кажется, они знают плакаты, собственное опыта у них мало, и начинают бесконечные раздумья и колебания.

Но раз мне приходилось слышать всякого рода сомнения относительно работы на заводе. Одни считают, что специальность рабочего не дает достаточных возможностей для роста, другие опасаются, что труд на заводе лимитирует их возможности учиться дальше. Третьи полагают, что на производстве мало возможностей для творчества. Но чаще всего юноши и девушки рассуждают так: за годы учебы в школе у них накопился определенный запас знаний, а на производстве не найдется для этих знаний достаточного применения.

Иными прямо спрашивают:

— А зачем мне становиться рабочим? Зря ли мама учил девять лет?

С молодыми людьми, ищущими себе дорогу в жизни, я и хотел бы поговорить через молодежный журнал «Смена».

Когда-то и передо мной вставала одна из тех вопросов: как быть? Помню, в 1936 году когда я только учился в седьмом классе, преподаватель привел нас на Харьковский тракторный завод. Это была обычная экскурсия, но она-то и

В дни Всесоюзного совещания работников промышленности в Кремле встретились молодые нефтяники, металлурги, машиностроители, шахтеры. Они обменивались адресами, чтобы завязать дружескую переписку.

определила поворот в моей жизни. Завод показало ошеломили меня грохотом молотов, гудение станков и машин. Но постепенно в разноголосице звуков я стал угадывать четкий и сложный ритм работы тысяч людей. Долго простоял я возле фрезерного станка, на котором совсем еще молодой паренек так легко работал, что нельзя было не залюбоваться его четкими, уверенными движениями.

Что, парень, интересно? — крикнул мне фрезеровщик. — Погустил на станок, мы тебя трактора научим делать!

Я смутился и пробормотал в ответ что-то невразумительное. Однако слова фрезеровщика, как говорится, запали мне в душу. Я впервые всерьез задумалась о своем будущем.

А тут еще довелось мне прочитать в «Комсомольской правде» статью Надежды Константиновны

Крупской «Выбор профессии». До сих пор вспоминаются мне слова этой статьи: «Мы должны бороться за переноску старого взгляда на производственный труд, как на нечто такое, на что обличены проклятые боязни миллиардов людей. Должны бороться со стремлениемми, во что бы то ни стало попасть в вуз, «выйти в люди», в инженеры. В этом стремлении иногда отражается старый взгляд на людей «от станка».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Июль. № 13. 1955 год.

Год
издания
32-й

взгляд сверху вниз на людей, занятых физическим трудом.

Надо сказать, что физический труд никогда не лугал меня. Наша семья была рабочей, и меня с детства привыкли уважать труд. Работать на производстве, своим трудом создавать тракторы, столы нужные стране,— это желание окончательно определило мою судьбу. Еще не знаю точно, какая будет моя специальность, я твердо решил стать рабочим.

Поступил в ФЗУ, потом основы фрезерного искусства.

Конечно, это было только начало. В первые дни работы на тракторном заводе я, выпускник ФЗУ, честно говоря, ничего особенного не знал. Постепенно Стартовало изучение основных рабочих приемов, изучение свойств металлов, решать задачи по математике, знакомиться с принципами работы металлоизделий стакнов. И настичайша учеба пошла впрок: я стал глубже разбираться в деле, в совершенствовании своего мастерства, постигать свою специальность. Именно в это время я начал интересоваться темой, что были предприняты первые попытки внедрить что-то новое в свою работу.

Фрезеровщики нашего завода изо дня в день позировали однажды и тем же фразами. Набор их был ограничен. И вот мне пришла в голову мысль: «А что, если создать новую рабочую фразу, предложить рабочим структуру, другую?»

Мысль эта оказалась правильной. Все рабочие на заводе поддержали идею. Идея получила название «Большой трактор». Меня назначили ответственным за свою продукцию должна быть. С накосами, как бы специалистом не становилась. Стала быть, Лупандину на трубы учиться нечему.

Скоро я стал выполнять норму, а затем и превышать ее.

Работа фрезеровщика изравнила мне все барьеры. Доводилось мне то, что меня даже заставить начали. Однажды с гордостью увидел свою проперт на Доске почета. Казалось бы, что еще осталось мне жалеть? Но жизнь рано научила меня простой истине: остановившись — отстанешь. Уже в ту пору мне были известны способы создания мастерства, но я всегда старалась усовершенствовать их, переставлять части, толпясь на месте и постепенно превращались из передовых в отсталых.

Такая перспектива меня, конечно, не прельщала. Мне было ясно, что нужно идти вперед и неустанно совершенствовать свое мастерство. Однако моих знаний оказа-

лось недостаточно для этого. А ведь было времена, когда добродушные бабушки, мне по невинности казалось, что самим делом обретения для рабочего вполне достаточно. Но опыт работы на стапке показал всю несостоятельность такого взгляда. Пришло снова засесть за школьный учебник, кропотливо приобретенный навыки быстрого и точного изучения чертежей, изучать свойства металлов, решать задачи по математике, знакомиться с принципами работы металлоизделий стакнов. И настичайша учеба пошла впрок:

я стал глубже разбираться в деле, в совершенствовании своего мастерства, постигать свою специальность. Именно в это время я начал интересоваться темой, что были предприняты первые попытки внедрить что-то новое в свою работу.

Фрезеровщики нашего завода изо дня в день позировали однажды и тем же фразами. Набор их был ограничен. И вот мне пришла в голову мысль: «А что, если создать новую рабочую фразу, предложить рабочим структуру, другую?»

Мысль эта оказалась правильной. Все рабочие на заводе поддержали идею. Идея получила название «Большой трактор». Меня назначили ответственным за свою продукцию должна быть. С накосами, как бы специалистом не становилась. Стала быть, Лупандину на трубы учиться нечему.

Приведу хотя бы такой пример. Наклонные плоскости очень сложны для фрезерной обработки. Долгое время я старался, но никак не могла точко установить деталь под определенным углом. Чего только мы не применяли: и тиски, и клинки, и поворотный стол — но ничего путного из этого не получалось. Тогда я попыталась подойти к делу совсем по-другому — пристосовала для закрепления детали ступенчатую приспособление. Это коренным образом упростило обработку сложных изделий. Но разве в мене подумалось, что это не значит тригонометрию? Значит, недаром столько ночей было проведено за учебниками!

Нет, не правы те молодые люди, которые считают, что десятилетнее образование — это слишком много для рабочего, что они не найдут на промышленности применения своих знаний. У меня, со временем производства таких, что рабочий должен знать физику, алгебру, тригонометрию, черчение — то есть основные дисциплины, которые изучаются в средней школе. И, конечно, выпускники дипломатии, пришедшие на завод с общирными бакалавриями, тоже могут стать рабочими высокой квалификации, новатором и рационализатором производств. Немало бывших школьников, которые в прошлом году поступили к нам на завод, сейчас успешно трудаются в разных цехах. Им гораздо легче овладеть специальностью, если они уже изучают современную технику.

Работа на стапке вовсе не исключает восторженного и разнообразного приложения знаний. Напротив, повседневная учеба углубленная работой над собой приводит к дальнейшему росту. Десятки вчерашних рабочих становятся настоящими инженерами, конструкторами, инженерами-технологами, инженерами-Фрезеровщиками. Черткашин — теперь технолог, бывший рабочий Лебко — начальник цеха. Рост этих и других рабочих стал возможен благодаря тому, что они учились без отрыва от производства, так же, как сотни других учащихся сейчас в вечерних школах, техникумах, институтах.

А как забуждается тот, кто считает, что у рабочего мало простора для творчества!

Вот уже девятнадцать лет я работаю фрезеровщиком-металлоделом. Но разве сегодня мои специальности не интересны? Неужели я еще больше люблю ее, и она всегда будет интересна для меня. Подобно тому, как взялся из бесформенного куска глины создает чудесную скulptуру, так и фрезеровщик из простой чугунной или алюминиевой чушки вытачивает сложную модель, которая становится прекрасной.

Идея спасительности, как и всяков любое любимое дело, открывает безграничные возможности для творческих исканий, для повседневного совершенствования.

Настоящий мастер никогда не занимается в рамках своей узкой специальности. На заводе я предложил использовать широкое поле деятельности для ковзетских держав.

За примерами ходите недалеко.

Раньше на нашем заводе модель гусеничного трактора сначала отливали во временну земляную форму. Затем модель отрывали и приводили в форму, сделанную из гидравлической фрезерной, слесарной обработкой.

Слесарь Ставицкий и я предложили отливать трак в коксы, то есть в постоянную металлическую форму.

Сначала к нашему предложению отнеслись недоверично:

допустимо ли, мал, в корне изменить давно установленную технологии! Но мы упорно настаивали и добились своего. Результат по-

лучился просто поразительный. После кокильной отливки фрезерная обработка сократилась в четырнадцать раз! В этот день я перевыполнил норму в сорок три раза и заработал за смену почти тысячу рублей. Наше предложение было одобрено, и мы можем применять новый метод и электротехнологии. По цену экономии составила восемьдесят тысяч рублей. Таким образом, ранее сложный и дорогой процесс изготовления модели трака был заменен простым и дешевым.

Для человека пытливого и настойчивого нет ничего невозможного.

И мне, кадровому рабочему, обидно за тех юношей и девушек,

которые, испугавшись трудностей, не идут в цеха, а оседают в тихих заводах канцелярий. Я вовсе не хочу оханять работу служащего, но всем известно, что именно рабочий класс является основой труда, материальных ценностей, которыми пользуются люди в своей повседневной жизни. И пусть нелегко бывает первые времена новичку, но зато как радостно будет ему со временем увидеть плоды своего труда: сложные механизмы, мощные, совершенные машины. Даже маленькие детали, сделанные собственными руками, принесут человеку огромную радость.

Много раз предлагали мне пойти на руководящую работу, но я твердо решился остаться фрезеровщиком. И теперь николько не жалею об этом.

Недавно Центральный Комитет народного хозяйства СССР правительство собрали в Кремле совещание работников промышленности. Обсуждался вопрос о путях дальнейшего подъема социалистической индустрии. Ниtribune зала заседаний бурлящих сменяя министра, кузнец академика, фрезеровщик, директор завода, и так чуточку, но внимательно прислушивались руководители совещания к голосу рабочих!

Мне самому довелось выступать в Большом Кремлевском дворце. Я говорил о наших неподражаемых, как формально передается у мыши, в которых я горжусь. И другая прозодина раздалась голос Никиты Сергеевича Хрущева. Секретарь ЦК нашей партии горячо поддержал меня.

Говорил я на совещании и о недостатках в нормировании и оплате труда. Кто же радостно стало у мыши, в которых я горжусь. И другая прозодина раздалась голос Никиты Сергеевича Хрущева. Секретарь ЦК нашей партии горячо поддержал меня.

Совещание работников промышленности было проникнуто радостью, любви к наукам, прозодина, что правительство создало спасительный Государственный комитет по вопросам труда и заработной платы во главе с товарищем Л. М. Кагановичем.

Совещание работников промышленности было проникнуто радостью, любви к наукам, прозодина, что правительство создало спасительный Государственный комитет по вопросам труда и заработной платы во главе с товарищем Л. М. Кагановичем.

Новые горизонты открылись перед нами, производственниками. Сколько новых дел, исканий, радостей! И нам сейчас особенно нужны молодые, юные силы. Пусть в большинстве машин, ворсированной машинами, приходит в нас в цехах. Ей предстоит проходить новые пути, расширять границы творчества.

Мы, кадровые рабочие, радушно и ветренно и будем бережно воспитывать свою смену. Ждем вас на заводах, наши юные друзья!

Н. ЛУПАНДИН,
фрезеровщик
Харьковского
тракторного завода.

На главном конвейере Харьковского тракторного завода.

Фото А. Мокледова.

Высокой производительности труда достиг молодой литец Александр Семенов. Каждое его движение строго рассчитано, ни одной минуты рабочего времени не пропадает у него даром.

ЧТОБЫ НЕ ОТСТАТЬ ОТ ЖИЗНИ

На железнодорожных путях завода стоят, поблескивая свежей краской, цельнометаллические пассажирские вагоны. Отсюда начинаются их бесконечные странствия по чудесным просторам нашей Родины. Но прежде чем вспыхнет золотой огонек светофора, открывая путь этим красивым, нарядным составам, каждый вагон не раз еще будет тщательно осмотрен и проверен: а вдруг обнаружится какая-нибудь недоделка?

Сотни людей создавали вагон: конструкторы, технологи, литецчики, сварщики, слесари, токари, плотники. Каждый внес в него свою долю труда, умения, таланта. Войдешь в купе — и глаз твой радует уютная обстановка, созданная для пассажиров, кажется, что еще желаешь лучшего! Но вагоностроители не привыкли благодушно любоваться достижениями. То, что вчера представлялось им безупречным, сегодня не удовлетворяет их. И ничего удивительного в этом нет: ведь жизнь идет вперед. Чтобы не отстать от нее, дружный коллектив Калининского вагоностроительного завода смело вливается в производство технических новшеств, механизирует тяжелые, трудоемкие работы, перенимает опыт лучших предприятий страны.

Подлинными энтузиастами борьбы за внедрение передовой техники являются рационализаторы и изобретатели завода — люди пыта-

ливого ума и пламенных патриотических устремлений. В одном строю с такими поборниками нового, как ветеран завода Федор Васильевич Гусев, идут совсем еще молодые вагоностроители. На груди у многих из них блескуют комсомольские значки.

Только четыре рационализаторские предложения комсомольца Виктора Иванова дали более ста тысяч рублей экономии в год. Достойный вклад в совершенствование производства внесли также Аверин Тюльпанин, Леонид Покровский, Рогнеда Панкратова, Нина Мухина, Верба Бодырева и другие юноши и девушки завода.

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АНДРЕЯ АНАНЬЯ

Из-за синевозных облаков, затянувших небо до самого горизонта, едущий вырывался веселый солнечный луч, и все сразу наполнились праздничным, радостным сиянием. На полу, на стенах запрыгали резные звячки — отблески обрабатываемого металла.

Щурясь от яркого света, старший мастер участка Сергей Иванович Степанов подошел к верстаку, за которым склонился молодой рабочий — слесарь-инструментальщик Анатолий Ананьев. В это время Анатолий старатель-

но отдельывал какую-то деталь. Он весь ушел в работу. Его лицо было сосредоточено, как у человека, увлекшегося интересной книгой.

— Любознательный, способный слесарь — по-отечески тепло отозвался о нем Сергей Иванович. — Все хочет знать, всем интересуется. Одним словом, работает с огнем, примером другим показывает.

Участники Всесоюзного совещания работников промышленности старший технолог завода В. В. Вершинин беседует с молодежью.

НАБОЛЕВШИЙ ВОПРОС

Но порой интересная, смелая мысль с трудом пробивает себе дорогу. Иным заводским новаторам приходится затрачивать много энергии и сил, чтобы доказать, что предложение, родившееся после долгих раздумий и мучительных искаений, вполне жизненно, целесообразно и должно быть взято на вооружение.

Как раз об этом горячо говорили комсомольцы на заседании комитета ВЛКСМ вагоноборочного цеха, где, кроме секретаря и членов комитета, присутствовали почти весь комсомольский актив: токарь Евгений Глушков, слесарь Николай Полторацик, обойщика Люся Соловьева, кривельщик Евгений Лихачев, конструкторы, технологии.

На заседании комитета выступил главный технолог завода В. В. Вершинин. Он поделился с комсомольцами своими впечатлениями о Всесоюзном совещании работников промышленности, участником которого он был, на ярких примерах показал, какое большое значение придали партия и народу новой технологии, борьбе за повышение качества продукции и производительности труда. Говоря о новаторах вагоноборочного цеха, главный технолог назвал имена воспитанницы Ленинского комсомола Раисы Остаповой, членов ВЛКСМ Евгения Мартынова, Веры Болдыревой, Рогоды Панкратовой. В заключение он попросил комсомольцев рассказать о том, что больше всего волнует их, молодых рационализаторов цеха.

Так начался разговор о «наболевшем вопросе».

Первой слово взяла экспедитор Вера Болдырева. У себя на участке она производила аптечательное тихое, застенчивое девушки. Но стило заговорить о бирократии и чинушах, причинивших ей столько неприятностей, как вся она тотчас же преобразилась. Ее лицо от волнения зарделось, в глазах вспыхнули искры гнева...

По предложению Веры Болдыревой достигнута большая экономия дорогостоящих лакокрасочных материалов и ценных пород дерева. А теперь вот уже несколько месяцев она энергично борется еще за одно новшество, направленное на механизацию ручного труда. Девушка не раз напоминала на бездумное отношение со стороны некоторых начальствующих чинуш. И, вспомнив об этом, она не может говорить спокойно.

В самом деле, почему до сих пор шлифуют вручную некоторые деревянные детали вагона, бесстыдно тратя много лишнего труда, времени и средств? Почему все еще не применяется предложенная ею машинка, которая должна намного облегчить и ускорить ручные работы на этом участке? А ведь сделать ее очень просто. Валик, обмотанный наждаком бумагой, будет вращаться от поступающего

Ему, старому мастеру, влюбленному в свое дело, по душе такие честные, работящие люди, как слесарь-инструментальщик Анатолий Ананьев. И не потому ли он с такой сердечностью говорит о нем?

...Анатолий давно уже обратил внимание, что на фрезеровку дробятся трапезы много лишнего времени. Как увеличить выпуск деталей? Что предпринять для того, чтобы труд фрезеровщика был более производительным? Этот вопрос не давал ему покоя. Вернувшись с завода домой, он без устали чертил что-то в тетради, высчитывал, записывал. Так длилось несколько месяцев, пока наконец решение

не было найдено. Он предложил соорудить специальную рану, которая позволяла бы обрабатывать одновременно четыре детали. И когда предложение приняли и внедрили в производство, молодой рационализатор почувствовал себя самым счастливым человеком. Шутка ли сказать: придуманное им приспособление вчетверо увеличилось производительность труда фрезеровщика!

Свой творческой инициативой принесли огромную пользу заводу и таким активным рационализаторам, как Решетов, Менер, Антонов, Небогатов,— люди, неустанные борющиеся за усовершенствование производства.

Успешно выполняет производственные задания столяр Алексей Сергеев. Что бы он ни делал, — все получается у него аккуратно и красиво.

в шланг скатого воздуха. Работница остаётся только, держа машинку за рукоятку, водить валиком по шлифуемым местам. Это не потребует почти никаких физических усилий, а качество работы улучшится.

Доводы комсомолки Болдыревой были столь убедительны, что главный технолог Владимир Васильевич Вершинский тут же, на заседании

доски по обмену опытом и рационализации в вагоноборочном цехе сейчас украсится еще одним портретом. Член бора ВЛКСМ Нина Музникова вышившиает портрет Веры Болдыревой.

комитета, принял предложенное ею усовершенствование, признав его «современным и весьма полезным».

Таких беспокойных сердец, как Веры Болдырева, в цехе много.

Какую упорную борьбу пришлось, например, выдержать Рансе Осиповой, к кому только она не обращалась: и к руководителю конструкторской группы тов. Воробьевой и к самому главному конструктору завода тов. Кулакову. С карандашом в руках путем простого грифельного подсчета Ранса доказывала, какую большую экономию дорогостоящего материала дает ее предложение.

Конструкторы рассения выслушивали Осипову и неминимо вываливали на ее заявлениям чертежное слово: «Отклоняется». Но скромная кладовщица не теряла присутствия духа, не отступала. Она спорила, упрямно отставляла свою точку зрения, обращаясь за помощью к партийной организации, к руководителям цеха.

Чтобы предложение наконец было принято и претворено в жизнь, потребовалось вмешательство специальной комиссии, приехавшей из Москвы. И сейчас благодаря творческой инициативе, настойчивости Рансы Осиповой завод получает от сбереженного ценного материала тридцать четыреста тысяч рублей экономии в год.

РАВНОДУШНЫХ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ!

В ответ на обращение участников Всесоюзного совещания работников промышленности коллектива завода взял на себя новые социалистические обязательства. В эти дни вагоностроители внесли свыше пятидесят рационализаций

По инициативе комсомольца Авенира Тильтлина на одном из участков применен новый способ резки металла. Сейчас молодой рационализатор работает над новым усовершенствованием. Его консультирует Лидия Васильевна Сигрова — руководитель конструкторской группы «Кузов».

торских предложений. Факт радостный. Но в рядах новаторов производства должны постоянно вливаться свежие силы. Кому, как не комсомольцам, быть душой этого важного, патриотического дела?

Но, к сожалению, иные секретари цеховых комсомольских организаций завода проявляют прямо-таки удивительное равнодушие к рационализаторам.

В том же вагоноборочном цехе секретарь комитета комсомола Геннадий Гостев всего один-единственный раз поставил на обсуждение актива вопрос о рационализации и изобретательстве. И то, что среди комсомольцев и молодежи цеха есть хорошие рационализаторы и даже энтузиасты этого дела,— это результат личной инициатива отдельных активистов, а вовсе не заслуга комитета. Когда комсомолка Вера Болдырева со своими рационализаторскими предложениями обивала пороги отдела главного конструктора и других служб завода, комитет ВЛКСМ ничем не помог ей, а лишь равнодушно наблюдал за ходом событий.

Геннадий Гостев обычно доходит до указания от секретаря заводского комитета ВЛКСМ. А если таковых не поступает, он особенно не утруждает себя заботой о комсомольских делах. Больше всего он увлекается игрой в биллиард. По этой причине подчас трудно бывает молодежи проникнуть в его кабинет.

— Придиша сюда,— рассказывает комсомолец Мартынов,— а дверь то и дело оказывается запертой, и только слышно, как рядом, в красном уголке цеха, цокают биллиардные шары...

Столь странное поведение комсомольского воинка, видимо, мало трогает секретаря заводского комитета ВЛКСМ тов. Щербакова. Ведь не первый день Гостев так «руководит» комсомольской работой! Он и в производственной жизни плохо вникает. Об этом с возмущением говорят комсомольцы цеха. Но тов. Щербаков почему-то никак не собирается наставлять на путь истинный «подопечного» ему секретаря.

И опять-таки всему виной проклятое равнодушие: «Весьма, человек и без постороннего вмешательства исправится...»

Коллектив вагоностроителей самоотвержен-

но борется за повышение производительности труда, за внедрение новой техники. Почетное место в этой борьбе принадлежит молодежи. И надо, чтобы такой важный вопрос, как рационализация производства, постоянно находился в центре внимания комсомольской организации завода.

В наших рядах не должно быть инертных, равнодушных людей. Больше горячих, бес покойных сердец!

Б. ЗОРИН

На завод пришло новое пополнение рабочего класса — выпускники Калининского ремесленного училища № 1. Кузнец Валентин Никаноров рассказывает ребятам о заводе, о его людях, о технике.

Постояльцы

Рассказ

Рисунок Л. Котлирова.

Как водится в поездах дальнего следования, они быстро познакомились. Пожилой бухгалтер из Благовещенска вез в Москву головой отчет, бахаревчанин — майор пограничных войск — спешил на учебу в академию, а молодой инженер и еще более молодая чертежница ехали на курорт — они недавно поженились, и длительное путешествие из Комсомольска-на-Амуре к Черноморскому побережью было у них свадебным.

Обычно в такой дороге делают нечего, надо найти способы развлечь себя. И они, как могли, развлекались: подолгу разглядывали статуэтки симпатичных за границу, набегающих особыми изображениями, купать что-нибудь съестное, разглядывали календари, слушали костяшки домино на болтовине чеснока и вели бесконечные беседы. Разумеется, молодожены было куда веселее коротать время, чем их спутники. Они часами глядела друг на друга, шептались о чём-то сокровенном, украдкой обменивались поцелуями. В один из вечеров, глядя на счастливую пару, затянувшую на верхней полке игру в карты на мелкую серебряную монетку, майор и бухгалтер завели разговор на лирические темы.

— Хорошо, когда люди сходятся не случайно, а по настоящей любви, — сказал майор.

— Да... Хорошо, когда люди сходятся, по-серъезному, думая о семье, о том, что у них на уме вместо прожитой ягодной жизни, — поддержал его бухгалтер. К сожалению, часто бывает иначе: случайные встречи, непроочные связи...

Молодожены обменялись взглядом, который говорил, что их любовь — это любовь на всю жизнь. Нина (так звали молодую женщину) решила, что у майора и бухгалтера неблагополучно в семейной жизни, и осторожно спросила об этом.

— Нет, у меня все в порядке, — улыбнулся майор. — С женой живет десять лет, дочка растет, школница. Все нормально.

— А у вас? — спросила Нина у бухгалтера. — Вы что-то запечатали...

— Мне взглянулось именно потому, что я вспомнил свою семью. Уехала два дяди, и уже не встосковалась...

— Чем же вы завели такой невеселый разговор? — пожала плечами Нина, бросив серебряными монетками, выигранными у мужа. Одна из монет упала в ногам бухгалтера. Он поднял ее и стал разглядывать.

— Разве редко случаи, когда люди не дорожат любовью, разменяют ее на мелкие монетки? — сказал он.

— Вы знаете какой-нибудь случай такой случай? — спросила Нина, глядя сверху на бухгалтера.

— Да. Если хотите, могу рассказать назидательную историю... Вот хотя бы про спиртную монетку...

— Про ту, что в руках? — с иронией спросила Нина.

— Нет, про другое... — успокоился бухгалтер.

Поехал мальчик, уехал и гудка. За окном все застыла густая синева. Бухгалтер носил свою красавицу.

— Несколько лет назад привелось мне работать на строительство крупного завода. Жил я начальника в домике служащих, инженер-сметчика Лапина. С ним мы дружили, хотя во всем были разными людьми: он мальчишка, я разговорчив; он очень высок, я, как видите, не очень (по этому поводу у нас даже остроили: мол, приюрица отдала ему те самые подмышки роста, которые недолюблю мое); он предполагал одиночество и тишину, я — компании и живую беседу.

Сметами своим я занимался не только на работе, но и дома: работал в холле, и кому приходилось танцевать на трапе, сидят до глубокой ночи, крутят ариметром, щелкают на счетах, манипулируют логарифмической линейкой.

В домике инженера мне пришлось: тепло, спокойно, уютно. Жена его, Мария Васильевна, молодая учительница, любила поговорить, пошуметь, попеть, повозиться со своим мальчишкой, удивительно на нее похожими и лицом и жизнью старта. При всей своей бесподобливости она принадлежала к молчаливости и спокойствию мужа и умела не мешать ей занятиям...

— Все ясно: молодая учительница влюбилась в общительного бухгалтера, — заметил инженер с верхней полки, и Нина согласно закивала головой.

— И не угадали. Я в этой истории второстепенный персонаж, — возразил бухгалтер. — А если станте насмешничать, не буду рассказывать. Инженер молча пригрозил жене пальцем, она прогнула руку и погладила его по голове.

— ..Вскоре ко мне на стройку приехала жена, и мне дали отдельную квартиру. Завод быстро рос, и вот настало время монтировать оборудование. На строительство приехала группа механиков, и среди них Владимир Александрович Чернин. Мы с ним были знакомы еще раньше, — сописал как старые приятеля. Дело свое он знал, был легк и острумен, привлекательен внешне, мог составить компанию — к нему быстро все привлекалось. По моей рекомендации он посыпалась у Лапиних, вместо меня.

— Как думаете: инженер, Чернин и есть герой романа? — выяснила Нина шепотом предположение.

Рассказчик услышал вопрос.

— Да, это и есть герой романа... Живой и веселый Чернин скоро стал в семье Лапиных своим человеком. Мальчишку к нему привыкался чуть ли не больше, чем к отцу. Мария Васильевна скоро стала казаться, что с появлением Чернина жизнь в их доме сделалась интереснее. Она и ее Валерий, скучала, если Чернин долго задерживался на работе.

Чернин всегда и всюду искал развлечений; от чего делать он привыкал увлекаться за молодой хозяйством. Очевидно, ему в голову не приходило, что появление его дурно. В одном разговоре он как-то признал допустимым флирт с замужней женщиной.

Я иногда бывал у Лапиних и однажды был свидетелем сцены, которой лишь потом придал значение наметавшегося рассказа в их семье. Мария Васильевна сидела и вышивала, Лапин молчаливо корпел над очередной сметой, а мы с Чернином мешали ему своими разговорами.

— Мне могла выбрать такую специальность? — пристал к нему Чернин. — Сметное дело — самая сухая в сущности часть инженерии. Сметчик подобен бухгалтеру: он делает то, что не имеет никакого практического значения. Завод мы создали без всяких смет так же, как и без бухгалтерского баланса, который будет составлен впоследствии, по окончании всей стройки. И невыгодно ведь заниматься таким делом: сметчики всегда остаются в тени. Что-то не слышал, чтобы их награждали орденами».

Мария Васильевна неожиданно вмешалась в разговор. С досадой, необычайной для нее, она сказала Лапину:

— Почему ты молчишь? Владимир Александрович, безусловно, прав. Ты и сам стал сухой и скучной, как эта бесконечная смета. Поэтому ты и не хочешь вспоминать о себе.

Лапин досадливо склонил лицо и поднял голову:

— Я люблю сметное дело, безотносительно от того, награждают ли сметчиков орденами и выходят ли из них великие люди. Я знаю: моя специальность необходима. Смета — органическая часть проекта, а без проекта не существует инженерии. Вы, Владимир Александрович, также ведь не обходите без проекта и если относитесь к проекту и смете безуважения, то по молодости, а также, просто, из-за недостатка инженерной культуры. А вообще-то, Мария, — обратился он к жене, — ты не воспринимай его слов всерьез: он шутник и шутки ради может говорить родного отца. Я знаю Чернина по работе... продолжал, помолчав, Лапин. — По-моему, он не хуже меня понимает, что

«самый плохой архитектор от наихудшей пчелы отличается тем, что прежде, чем строить яичку из воска, он уже построил ее в своей голове...»

И он замолчал. У него всегда так получалось: скажет десять слов и умолкнет навсегда. Мария Васильевна подождала, не скажет ли он еще что-нибудь, и ворзилась:

«Я не могу поверить, чтобы вот эту свою унылую смету ты делал с любовью и увлечением!»

Лапин удивленно посмотрел на нее:
«Не ушлю тебе: откуда такие рассуждения? Эта «киньяла смета» за тридцать миллионов рублей. От меня зависят, будут ли заводской городок стоить государству на один — два миллиона дороже или дешевле. Как же можно отнести к этому разнодушно?»

Черин бросил еще несколько реплик в адрес Лапина, но тот, погруженный в работу, уже не отзывался.

«Что с тобой произошло? Он сам превратился в живой арифометр», — смеясь, сказала Мария Васильевна после тщетных попыток отвлечь Лапина от его сметы.

Выбрав удобный момент, разумеется, когда Лапина не было дома, Черин обсыпалась Марии Васильевне в любви и поцеловала ее. Он любил цитировать Стендэля и говорил, что, мол, посреду завтрашнего некий таинственный процесс кристаллизации любви. Объяснение Чернина и походу ошеломило Марии Васильевну, она вырывалась из его рук, убежала и несколько дней не разговаривала с ним. Он пытался воздействовать на нее ласковым уговором, насмешкой, жалобами, уверяя ее в том, что глубоко любит ее, что она своей холодностью приносит ему страдания. Наконец, он заявил, что должен уехать от них и вообще от города.

Это произвело именно то впечатление, которое и нужно было Черину. Женщина заплакала и сказала, что не знает, как ей теперь поступить.

«Ну зачем вы все испытываете? — спрашивала Мария Васильевна. — Так было хорошо! И Валерик и я радовались всем, было приятно видеть вас, слышать вас, разговаривать с вами, шутить, смеяться. А теперь между нами любовь, и я должна мучиться. Я ведь не могу рассстаться с вами, а у меня — Лапин, Валерик...»

Черин сказал, что покой семьи он не намерен нарушать, ему ничего не надо, только видеть ее, дышать одним с ней воздухом.

Любовь не может стоять на месте, как не может устоять шаг на склоне горы. Однажды Мария Васильевна прибежала к Черину настрой.

«О, какой же вы прекрасны! — Лапину, задыхаясь от волнения, говорила она. — Не могу отпустить ее. Не могу!»

— «Х, эр! — покашлял Черин и побледнел: — А он что?»

— Какой простоты! — возмутилась Нина. Она уже сошла с верхней полки и сидела напротив рассказчицы, не сводя с него блестящих глаз.

— Лапин сказал, — продолжал бухгалтер передавать рассказы Марии Васильевны: — «Мы с тобой, Мария, связаны на всю жизнь. Ты на есть наш Валерик. Что касается Черинина... Я скажу, чтобы он оставил наш дом. А тебе надо все обдумать, освежить голову трезвыми мыслями». «Как это освежить голову? А сердце, что делать с сердцем?» — горько сплакнула она Черину.

Но дождалась ответа от Черинина, Черин сам съехал от них и переселился в город, пятнадцать километров от стойбища. Но от Марии Васильевны не отступалась она укрядка встречалась.

«Мы мелкие воры... — жаловалась она. — Мы вынуждены воровать любовь по двунадцатому...»

— Ага! — сказала Нина. — Дошло дело и до серебряной монеты. А я все жду: при чем здесь монета?

— Нет, еще не дошло, — возразил бухгалтер. — Монета появится дальше. — Жизнь Марии Васильевны уложилась. Бедная Черинина она терзаясь, жаждала видеть его. А когда была с ним, думала о семье. Убедившись, что дальше продолжаться это не может, Черин, особенно не заскучавши, покинул Марии Васильевну тайком бежак из дома и поспешил к тому же гостиницу, где был Олецкий. Олецкий тоже отказался. Черин наставлял, и через некоторое время не видя другого выхода, она согласилась порвать с Лапиным, уйти от него. Черин пребежал ко мне, рассказал все это и просил помочь ему увести Марию Васильевну и малышицу утром, когда Лапин отправится на работу...

— Пожирайте?! — с гневным недоумением спросил майор.

— Да, похищение, товарищ майор. Совершенно правильно...

...Я категорически отказался участвовать в этом деле, уговорив Черинину оставить Лапинину в покое. Он рассердился и заявил, что обойдется без меня. Увидевшись с Марлей Васильевной, Черин велел ей прятаться с малышицей к почте. Там он должен был ждать их...

Всю ночь я томился, а утром не выдержал и побежал к Лапинину. Я не знал, что делать. Мария Васильевна сидела за столом, обе одеты, Лапин даже в своей мокнатой шапке-ушанке. На меня они не обратили внимания. Валерик, одетый в меховую шубку, перекатывался от отца к матери и теребил их...

«Поехали!.. Ну, поехали!..»

Увидев меня, малышица закричала:

«Мама! Одеяла меня, а гулять не идет. Там ждет лошадка и дядя Володька.»

Я ушел от них и поспешил к Черинину. Был сильный мороз, и механизм, проходивший уже долгое время, приплясывал возле лошади и саней. Я сказал ему, что Лапин дома, и принесла снова уговоривать его оставить Лапинину зато. Он подумал, подумал и вдруг побежал к Лапинину. Я сидел за ним, но в дамы зайти не решался. Ни души у меня было очень гадко, словно я и сам в самом деле участвовал в этой нехорошай истории.

Зайдя в дом, Черин подхватил кинувшегося к нему мальчишку и тоже подсел к столу. Минут пять сидели они в неловком, тягостном молчании.

«Хотели мы избегнуть объяснения, да не вышло, — громко сказал Черинин. — Давайте тогда объясняться!»

«Я не могла уйти из дома, как вор. Нельзя так делать! — с тоской сказала Мария Васильевна и хрюкнула пальцами.

«Дело простое, дорогой товарищ, — сказал Черин Лапину. — Мы должны уехать с Марлей Васильевной и Валерием. А вам придется перенести разлуку.»

Лапин взглянул механику прямо в глаза, и от его взгляда Черинина перехватило дух.

«Дело совсем не простое... — Лапин с трудом выговорил слова.

— Вы легкий человек и даже не понимаете, какое не простое дело затеян! Не собираясь упрекать вас: упреки — занятие слабых людей. Хочу вам сказать одно: я не разрешу жене и Валерику вот так взять да и уехать с вами!»

«По какому праву вы можете задержать их? Мария Васильевна — сенаторский женщины человек», — засорил на своем месте Черин.

Лапин не сидел с механиком, взглянул грустно-удивленными глазами. Очевидно, ему было странно, что он не понимал этого человека раньше.

«Если не имеете по этому праву, что связано с ними очень прочно. Вот вы меня сажаете по этому праву, я не могу уехать с женой и сыном?»

«Я люблю Марию Васильевну и она любит меня. Этого достаточно».

«Нет, вы не любите ее. Вы не знаете, что такое настоящая любовь. Она сейчас тоже не понимает, что у нее нет любви к вам. У нее только увлечение, а оно вспыхнуло и застыло погасло».

«Чудный человек! Вас невозможно убедить логикой, как невозможен погаснуть горящий дров стаканом воды», — засмеялся Черин, видимо, довольный приведенным.

«Маленький костер, а не горящий дом... — возразил, с трудом сдергивая себя, Лапин. — Костер можно погасить совсем без воды. Поймите, если вы ее увезете, то погибнут четырех, всех нас. Ее — так как виновата недоволенчина. Валерика: ведь вы не замените ему отца. И семья: вам нельзя жениться, ведь вы не оцените великого смысла семьи, и она вам будет не в радость. Наконец, вы побудите и меня: я не смогу жить без них!»

«Ну, хватит! — оборвал его Черинин — Будем тут вести трагические разговоры целую неделю! Поехали, Мария Васильевна! Скажите ему, что не согласны с ним оставаться».

Черин вскочил. Поднялась и Мария Васильевна. К ней пристал малышик: ему стало жарко, он сам склонил шубку и тяжело прислонил сияние с него руку. У Марии Васильевны беспомощно опустились руки. Едва шевелил поблескивущими губами, она в невразумной мукой сморкалась и мучилась.

«Вы скоро уберетесь в справедливость моих слов... — все тверже говорил Лапин. — Останьтесь нас, не мешайте нам жить! Если я сам увижу, что действительно Мария Васильевна не сможет без вас, что она вас любит и что она для вас не забава, я сам отойду в сторону. Стояли втроем одетые и мозгали. Черинин не выдержал.

Стояла ерунда! — сказал он. — Давайте кончать... Жребий, что ли, кинем?..»

— Негодяй! Какой негодяй! — ахнула Нина; муж ее тоже спустился с полки.

— Чернина выны из кармана двутривесный и, возбужденный идеей жребия, предложил Лапину:

— Орел — мы уезжаем. Решка — езжаяя я один.

Лапини, потрясенные этим предложением, переглянулись. Женщина закрыла лицо руками и опустилась на стул. Чернина сидел со смехом подбородка монету в потолок. Двутривесный склонился в воздухе, зевнувши к монете.

«Смотрите: орел! — обрадованно крикнул Чернина. — То есть не орел, а герб. Однако дело не в этом. Мы едем, Мария Васильевна!»

Она не отвечала. Она сидела за столом, уронив голову на руки. Валерий теребил Чернина, требуя монеты.

«Вставайте, Мария Васильевна, поехали. Дело решено! — торопили Чернины. Он повернулся, ему казалось, что и в самом деле нашелся выход из положения.

«Позволь мне, Мария, отвести ему, как решено дело! — глухо вопросы Лапини. Позволь отвести ему за тебя и за себя, хорошо?»

Он поклонился головой и пошел за ней. Наверное, Лапини прочитал ответ ее глазах. Он шагнул к Чернину, жестко схватил его, вынес из дома и выбросил с крыльца в снег. Валерий громко орал в доме: Чернин не успел отдать ей монету!

— Молодец, этот Лапин! — с облегчением вздохнула Нина.

— Я стала вздыхать дома, — рассказывал бухгалтер, — и видел, как Чернин шлепнулся в сугроб. Подбежав к нему, я принесла ругать его самими последними словами. Он сидел в снегу и молчал, бросая мрачные взгляды на крыльцо и на окна дома, обожженного им. Потом он поднялся, взглянув на монету, оказавшуюся в кулаке, и рассмеялся. «Что ты ржешь? Тебе плакать надо!» — забеспокоилась я. Мне хотелось избить его.

А он хохотал и прятался:

«Что ты историй! В жизни ничего подобного не происходит! Ну и ку! Я скрою это этаж двуглавым!.. Пробью в нем дыру и буду носить на широке!»

Бухгалтер замахнула и обозвала взадом своих спутников.

— У них все наладилось, у Лапиных? — с беспокойством спросила майор.

— Мария Васильевна потом говорила мне, что с ужасом вспоминает Чернина. Но сразу, конечно, вернулась в семью Лапиних мир и спокойствие. Не вернулись. У Валерия есть теперь братинка Катя, Чернина ошиблась в другом: Лапин не раз награждал за работу. Ниже он директор архитектурного завода.

— А Черний? — перешептывал и как-то смущенно освежомился Нина.

— Черний? — переспросил бухгалтер и почавкал головой. — Ему тогда приплюснули, разумеется, уехать со стройки. Как я слышала, он два или даже три раза женился, но все неудачно. И другой настоящих у него не завелось; друзья по префектуре и по вышке — это еще не настоящие друзья. Да и в работе он не преуспел, ждали от него больше: ведь способности отменные были у него. Что ж, иначе, видно, и быть не могло: пустой и легкий человек, сам себе устроил легкую жизнь, нико не виноват.

Рассказчик закрыл, жадно затянувшись несколько раз подряд. Спутники его молчали, раздумывая об услышанном. А поезд продолжал мчаться вперед по тысячесерийным пространствам Сибири.

КНИГА, КОТОРАЯ УЧИТ БДИТЕЛЬНОСТИ

За последние годы у нас появились немало приключенческих книг, получающих признание народа. И все-таки их еще недостаточно. Тем отраднее каждая новинка в этой области.

Повесть А. Айдленко «Над Тисой», выпущенная Детгизом, отвечает всем специфическим требованиям этого жанра.

Борьба советской пограничников и рабочников органов безопасности с американскими шпионами и диверсантами, заброшенными в советское Закарпатье, — такова тема повести. К достоинствам книги следует прежде всего отнести скюкет, который «выигрывает скромность буквально с первых страниц и до самого конца дергит читателя в напряжении».

Удачны авторские образы — врагов Каракиша и Лабзы. Каждый из них наделен индивидуальными свойствами характера, своею биографией. Они находчивы, хитры, умеют ловко приспособливаться к обстановке, использовать благородство и доверчивость некоторых советских людей. А. Ай-

дленко красочно описывает природу Закарпатья. Интересны приведенные автором исторические данные о прошлых американских империалистах в этом kraе.

К удачам повести можно отнести все сцены, в которых рассказывается о будних пограничарствах. «Образы сподвижников Смолкина, Каблукова, Генерала Громады высияны убедительно и ярко.

Этого, к сожалению, нельзя сказать о колхознице Терезии Симак. Образ ее сделан схематично. Весь эпизод с «любовью», начавшейся по почте между Терезией и старшиной, сыном матушки-пехотинцем Иваном Белогорем не получился, хотя и был интересно задуман. К недостаткам повести можно отнести некоторую нелогичность в обрисовке характеров подопечных персонажей.

Однако при всех отдельных недочетах повесть «Над Тисой» является галантальным произведением, которое следует рекомендовать молодому читателю.

Л. ШЕРНИН

ДРЕЗДЕНСКАЯ ГАЛЕРЕЯ

[Из истории]

дрезденская картинная галерея возникла в середине века. В 1569 году саксонский курфюрст Август основал при своем дворе так называемую «кустистами», где были собраны в числе прочих произведениями произведения искусства. Спустя 27 лет в кустистами имелось уже несколко картин, в том числе работы итальянских живописцев, в частности картинами «Адам» и «Ева» Лукаса Кранаха-Старшего и Яна Гирса. Были приобретены также творения итальянских мастеров — Тициана и Тintoretto.

Однако эти ценные произведения было приобретено для дрезденского художественного собрания племянника Августа Фридриха, герцога Саксонии.

В 1722 году курфюрст Август Сильный приказал выделить в особом зале дворца «брюлловскую» галерею картинистам. Для галереи построено специальное помещение в виде купола.

Дрезденская коллекция распологала тогда произведениями французских живописцев, включая Жана Франсуа де Шантильи, Жана Батиста Ваньи, Бенедикта Гольдмана и Метью, французского живописца Пьера Лордена. Почти в тех же самых изученных городах Европы жили доверенные лица саксонского курфюрста, которые приобретали картины в Дрезденской галерее непосредственно у художников. Одним из таких мастеров был Г. К. Гейнеин — личный секретарь саксонского премьер-министра, который, стремившийся озанемевать память своего правления внешним блеском, был убит.

Большая складка большое количество всемирно известных картин, в том числе и произведений Ганса Гольбаха, попала в Дрезденскую галерею графа Балленштейна. Несколько лет спустя в Дрездене поступило более ста картин из коллекции герцога Карла Феликса из Брюсселя, в частности картинами «Святой Елизаветы» и «Святой Екатерины» Рембрандта.

Следующим этапом в развитии Дрезденской галереи стала ее обогащение картинами испанской школы — «Св. Бонавентура» Гольбаха и «Св. Годрика» Рубриля.

Старое помещение галереи уже не удовлетворяло все запросы, и поэтому в 1647—1655 годах по проекту архитектора Готтфрида Земпера в Дрездене было построено новое здание позади дворца Шенберг.

В последующие времена Дрезденская галерея продолжала своеобразием произведениями новых художников. В конце прошлого века открылся специальный зал для выставок картин, а в 1924 году на основе этого отдела был создан «Дрезденский музей».

Следующим этапом в развитии Дрезденской галереи стала обильная творческая деятельность мастеров живописи. Дрезденская галерея стала подлинной школой художественного мастерства. Среди новых картин, собранных в ней, оказались благотворное влияние на развитие искусства не только в других странах Европы.

«Вечный родник» — назвал Дрезденскую галерею Генрих Штейнер.

Трагическая судьба постигла Дрезден в последний год второй мировой войны. Ночью 13 февраля 1945 года здание галереи и античные самолеты совершили бомбеским летом с военной точки зрения настолько успешную атаку, что художники стали мертвами этого налета. Англо-американская авиация, поднявшаяся из дымящихся архитектурных памятников города — «Фраунхайм», дворец Шенберг, оперный театр, Альбертийский дворец и другие антические сооружения, в огне погибли 466 картин, новейшие в том числе полотна знаменитых живописцев Курбе, Гюго Томе, Рафаэля и других. Были разрушены основные здания галереи, являвшиеся частью дворца Шенберг. Но картин, хранившихся в отсыревших подвалах галереи, еще задолго до бомбардировок были вынесены из Дрездена и спасены в различных местах Саксонии. Гитлеровцы заняли галереи, подстыдили, где хранились картинные полотна, и хотели забрать их в любую минуту. Но советские воины помешали совершить это, взвинтившись за то, что в здании галереи находились бесценные памятники мирового искусства.

Советское время часть картин Дрезденской галереи была вывезена в немецкий городок Пильнице. Другие произведения художественной живописи бережно хранились в Советском Союзе.

В 1955 году Совет Министров СССР принял решение передать все картинные Дрезденской галерее в собственность Германской Демократической Республики. Это решение Советского правительства явилось результатом исключительной дружбы по отношению ко всему немецкому народу.

А. АХТАМЗЯН

Альбрехт Дюрер (1471—1528).

«Портрет молодого человека».
Дрезденская галерея.

«Охота на медведя»
Дрезденская галерея

Питер Пауль Рубенс (1577—1640)

ТВОРИ, ВЫДУМЫВАЙ, ПРОБУЙ!

Б. ПРИВАЛОВ

Небольшая аудитория в одном из киевских институтов. За кафедрой сидит Член этого общества — Землерой. Нет. Это не здание научного кружка. Дальше — нет, это не студент, но и сидит перед кафедрой, но не в джинсах, — прораб. Кто же он? Продолжает рассказывать о проведенных им опытах, о своих наблюдениях и выводах. Товарищи внимательно слушают, а особо интересные факты записывают в тетради.

В институтах Киева таких кружков насчитывается около тысячи. Все они объединены в союз научных студенческих обществ. Здесь будущие инженеры, агрономы, экономисты, геодезисты, рулевые, поварята, поварята, поварята, пробуют свои силы в исследованиях, приобретают практический опыт, расширяют и углубляют знания.

Репортаж, который мы помещаем на этой странице, рассказывает о работе научных студенческих обществ трех крупнейших вузов столицы Украины.

1

Однажды в стенах газеты «Металлург» — технического института — появилась статья, которую студенты перечитывали по многу раз. Автором ее являлся бывший воспитанник института, а ныне вице-президент Академии наук ССР академик Иван Павлович Бардин. обращаясь к студентам и отвечая на их вопросы, он писал:

«...что такое творческий и что такое школьный подход к творчеству, то есть инновации, изобретения? Творческим в жизни называется ясное дело, которое с течением времени все улучшается, а сами творцы его, не останавливаясь на достигнутом, ищут пути к его совершенствованию.

Под творчеством подразумевается, например, такое положение, когда студент, со всей добровольностью изучает уже сформировавшуюся науку, но не только для добродетели и, быть может, успешно сдает экзамены по тем или иным дисциплинам и успокаивается на достигнутом, полагая, что круг его интересов и стремлений на этом замыкается».

Эти слова известного ученого хорошо помнят студенты института. Вся работа здесь построена так, что творческое наследство бардина и Ильинской болгарской школы не только хорошо учится, но и активно участвует в деятельности научного общества. В пятнадцати секциях — электротехнической, горной, металлургической, химической, машиностроения и других — во всех восемидесяти научных кружках будущие инженеры творчески решают вопросы, которые стоят перед наукоемкой жизнью.

Используя, яко члены

изобретательства труда комбайнеров, Кафедра передала заявку в Национальную промышленную академию на разрешение этой проблемы. Кто же студенты? Тернопольский и Комаровский. Немало потрудились они, прежде чем нашли такой вариант системы, который им показался удовлетворительным. Во время практики на шахте имени Киселева (грест «Чистаконвент», Донбасс) студенты прошли испытания своего rationalizatorского предложения.

Испытания дали положительные результаты, предложено было практико-и, как показала работа, привнесло немало пользы. Начальник шахты, горный директор второго ранга той, Даниленко сообщила в институт: «Годовая экономия от внедрения предложения т. Терниловского и Комаровского равняется 82 267 рублей, притом месчанская добавка угла — 2 067 тонн».

В комнате Совета НСО хранится памятная плакетка. На ней — вышивка со студентскими работами. Здесь можно видеть письма с предприятиями Днепропетровска, Запорожья, со строительства Куйбышевской ГЭС, из цехов Минского автомобильного завода — отовсюду, куда выезжали студенты на практику. За хорошую работу, за стремление к новому в производстве новых рабочих мест, за блестящее выполнение кружков, будущие инженеры получают премии. Правда, члены НСО — это не обычное знакомство с производством, а первая попытка творческой включиться в большой создательский процесс на предприятии. Здесь они проверяют расчеты и схемы, разработанные еще в стенах института, испытывают новые установления, и, если часто бывает, находит на них применение. Такие студенты, как Григорий Григорьев, на котором они проводят свою исследование, и вместе с колхозниками решают главную задачу — как увеличить урожайность земель.

Университет шефствует над Бориспольским районом Киевской области. Сюда приходят на практику студенты многих факультетов биологии, географии, экономисты... Для членов НСО Бориспольский район стал как бы большим опытным участком, на котором они проводят свое исследование и вместе с колхозниками решают главную задачу — как увеличить урожайность земель.

В первую очередь студенты разрабатывают проекты, которые с точки зрения практики изобилиуют важны. Было обнаружено, например, что карта логов района устарела. Местами она просто не соответствовала действительности. Правильно размещать посевы, руководствуясь такой картой, невозможно. И вот студенты биологи Шмакто, Лозова, Подусенко, Гутыры и Карпенко занялись уточнением земельной географии. Для этого им пришлось побывать во многих колхозах, на полях, исследовать различные участки. В результате новая карта была составлена.

ны в разных направлениях расходятся тонкие линии — к Москве и другим городам с крупными учебными центрами. Эта карта рассчитана для советского инженера с научными студенческими обществами вузов страны. С москвичами, ленинградцами, саратовчанами обмениваются киевляне опытом научной работы, устраивая совместные дискуссии на обоюдно важные темы.

В университете НСО 96 кружков. В них занимается около двух тысяч студентов. Восьмистью пятью являются членами «активистами», а остальными — «члены-корреспонденты», так как в штате нет членов. Стать «активистом членом» легкое: нужно представить в Совет общества самостоятельное исследование. Товарищи внимательно ознакомятся с ним и вынесут решение, принять или не принять автора работы в общество. С каждым годом требование в НСО становится все выше: число «активистов» членов тоже растет. И дело тут не только в широкой общеобразовательной подготовке студентов, а и в том, что сама постановка работы в общество способствует проявлению творческих задатков у будущих специалистов.

Университет шефствует над Бориспольским районом Киевской области. Сюда приходят на практику студенты многих факультетов биологии, географии, экономисты... Для членов НСО Бориспольский район стал как бы большим опытным участком, на котором они проводят свое исследование и вместе с колхозниками решают главную задачу — как увеличить урожайность земель.

В первую очередь студенты разрабатывают проекты, которые с точки зрения практики изобилиуют важны. Было обнаружено, например, что карта логов района устарела. Местами она просто не соответствовала действительности. Правильно размещать посевы, руководствуясь такой картой, невозможно. И вот студенты биологи Шмакто, Лозова, Подусенко, Гутыры и Карпенко занялись уточнением земельной географии. Для этого им пришлось побывать во многих колхозах, на полях, исследовать различные участки. В результате новая карта была составлена.

Определение акустики помещений — дело очень сложное. Студенты Киевского института имени Ленина политехнических наук члены НСО Бориса Шмакто. Они разработали и сконструировали прибор, который позволяет сравнительно просто проводить такие исследования. На снимке: Борис Шмакто у нового прибора.

Фото А. Дмитриева.

Очень пригодился землерой и огородникам Бориспольского района работа студентов Хитрова, Доценко и Партника. «Различные заболевания культуры в сельхозпредприятиях имени Стalinя».

Об успехах научного студенческого общества можно судить хотя бы по тому, что воинственный «шансон» — приветствие министра высшего образования Украины были награждены ценными подарками и премиями.

На состоявшейся недавно 12-й научно-практической конференции общества было зачитано 120 докладов. Это говорит о широком размахе работы общества. Но самым отрадным, пожалуй, является не количество представленных исследований, а глубина их разработки, их связь с жизнью, практикой. Это и есть самая характеристика честа в работе научного студенческого общества Киевского университета.

3

Село Ключарки, что раскинуло белокаменные хаты среди полонин Закарпатья, даже у завышеных кукурузников считается самым «кукурузным местом». Именно здесь колхозники Герасим Гаврила издали из первых варистала по 20 центнеров кукурузы с гектара.

Земляк знаменитой колхозницы Ивана Валентир решал посыпать себя агрономии. Он поступил в Украинскую ордена Трудового Красного Знамени сельскохозяйственную академию. Вместе с тем в НСО волыни, он начал заниматься изучением кукурузы. Валентир очень заинтересовался квадратно-гнездовым способом посева этой культуры. Перед исследователем стояли вопросы: какой урожай кукурузы можно снять, если сеять ее этим способом? Как добиться увеличения урожая, где "резервы"? Студент провел много наблюдений и опытов, совмещая их с колхозниками. И вот оказалось, что при гнездовой посадке наибольший урожай кукурузы получается в том случае, если в каждую лунку будет сажено по три зерна.

Проблема кукурузы увлекает не только Валентира. Никита Молчанов занимается подобным изучением с мешанинами посевов кукурузы и бобовых. Бобовые обычно селятся отдельно. А Никита предложил сеять их вместе с кукурузой, при этом стебли кукурузы будут служить опорой для высыпания бобовых, и питательные качества сока со временем

го смешения культур значительно повысятся.

Самые различные темы разрабатывались НСО. Студенты Львова и Луцкого под руководством ассистента кафедры общего земледелия И. Руденко проводят исследование приемов обработки почвы по методу Т. Мальцева в условиях Полесья Украины. Студент Калиберда, работая на колхозных полях, пришел к заключению, что если при посадке картофеля вместе с белокочанной капустой и некоторыми видами земноводных с бактериальными, то можно получить высокий урожай — до 220—240 центнеров с гектара. Недавно колхозники привлекли Калиберду на пробу «авторского эксперимента» картофеля и поздравили студента с первой победой.

***

В политехническом институте, в университете и сельскохозяйственной академии студенты застывают и учащению приобщаются к научной деятельности. Всю свою работу члены научных обществ направляют на то, чтобы наша страна была еще сильнее, еще могущественнее и богаче.

Научным студенческим обществом Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко руководит известный астроном, профессор С. К. Всеволожский. Свой любимию наукой он увлек многих студентов. На консультациях, которые профессор проводит для членов НСО в обсерватории, всегда многолюдно.

Обсуждаем статью «Как бы чего не наподерили...»

«Мелочи» или нет?

Прочитав опубликованную в «Смене» статью «Как бы чего не наподерили...», я вспомнил, что описанные в ней факты встречаются не только на Сормовском судостроительном заводе. Они есть и на нас, в университете.

Формализм — едва ли не самое опасное явление в комсомольской работе. Проявления формализма много. Но мне хотелось бы остановиться лишь на одной из его проявлений.

— Нам надо вести самую беспощадную борьбу с формализмом и, в первую очередь, сидеть на отечественных и импортных нетерпимости и непринимости, активно бороться с каждым проявлениям недисциплинированности и разлагательства...

Докладчик посмотрел на часы. Собрание шло уже третий час. В первых рядах студенты сидели прямо, попоки перед собой руки и устремлены вперед к пропагандирующим взгляду. Остальные, низко склонившись над столами, спокойно сконспектировали учебники или играли в «блэдз». Каждый из нас должен постоянно чувствовать свою комсомольский долг! — продолжал докладчик, — не допускать со своей стороны некомсомольского отношения к посвящению занятий...

Когда на трибунах подняли перегородочный занавес, склонив глаза, тот проговорил: «Миша, вроде пора закрываться!» Сказав еще несколько призывающих фраз о борьбе с прогульщиками и медленно собрав разложенные перед ним листки, Миша обнял собраны закрытым. Лица комсомольцев мгновенно посветлели, все бросились к дверям.

Миша побежал за выходом комсорга одной из групп.

Мне с той надо поговорить о культуролюбии вашей группы в музей. Ты завтра придешь на семинар?

— Как тебе сказать... Едва ли, я не успел подготовиться.

— А где же я тебя увижу? Ведь послезавтра культуриход!

— Я тебе позвоню!

Они разошлись. И Мише даже на ум не пришло, что он сейчас разговаривал с комсомолом-прогуль-

щиком. В докладе он с большим убедительным доказывал, что семинары нельзя пропускать, во-он стоял перед человеком, который собирается завтра прогулять, и не обратил на него внимания.

Миша, к сожалению, не исключение. Сколько раз у нас бывает так, что комсомольские работники в речах и докладах произносят вершины слов о пропагандистской работе с молодежью, а на собраниях оказываются удивительно терпимыми к недостаткам и, пожалуй, равнодушными!

Можно привести два случая.

Студента факультета журналистики Шмагова в начале года включили в комсомольскую brigadu по борьбе с хулиганством.

— Что за чушь? — не замедлил возмутиться Шмагов, узнав об этом. Ведь в тех же самых

могут лежать здания!

Эле Герасимовичу, студентке четвертого курса географического факультета, решили поручить сделать на собрании доклад «Что такое счастье». Когда ей сказали об этом, она изумленно заявила:

— Боже! Ведь мы какую-нибудь гадость подсунули?

Также как и многие другие комсомольские работники сталкиваются с тем, что в Государстве Господина раскрывается многое. Если прислушиваться к нему, если не проколоть мимо, можно во-время разглядеть характер человека, во-время заняться его воспитанием.

Мы иногда спланим, как одна студентка сообщает другую, что ее подруга загадала вышла замуж: у супруга квартира, телевизор, высокий зарплаток. Собеседница восхищается.

Иной раз происходит и такие диалоги:

— Вана, посмотри, какая чудища! Клад! Как бы к ней подбежать?

— Бrosis ты! Персонального дела хватает! Это надо тихо проворачивать, подальше от студентов. Хочешь, поедем куда-нибудь?

Пусть не делают удивленных глаз, когда они увидят комсомольских работников, пусть не пытаются доказывать, что никогда не слышали ничего подобного. Не могли же слышать? Но мало кто из них думал о том, что это и есть «некомсомольские поступки».

Приспособленец, лежечек с кучей душонкой, мелкими пакостниками не должно быть в комсомоле. Но если они живут среди нас, то это прямой и непосредственный результат формализма, бесплодной деятельности. Руководители проще Миши, очевидно, не понимают, что молодые люди, ведущие разговор о выигрышном будущем или о других подростках, в будущем станут поислешниками, беззаконниками, разбойниками, беспричинными искателями злыдни для себя.

«Мелочи», пропускаемые мимо ушей, проходящие мимо глаз комсомольских работников, неминуемо

ищемо приводят к серьезным нарушениям в учебе, быту, в вопросах морали. Лиши тогда, когда комсомолец совершил серьезный проступок, комитет или биро берется за его «испопытание», то есть чаще всего начинают персональное дело.

Нередко из различных проступков комитета мы узнаем не от него, не от их товарищей с другой стороны. Студент пятоого курса философского факультета Владимир Лосев часто пропускал занятия, плохо учился, а дома избивал младшую сестру, ругал ее плохими словами. Обо всем этом вузовский комитет узнал лишь от работников «Комсомольской правды», приславших в МГУ копии письма одной студентки московского института.

Конечно, некие отдельные факты, даже если их очень много, целиком и полностью изменить в вину комсомольским работникам. Конечно, у каждого комсомольца должно быть высоко развито чувство ответственности перед товарищами, перед комсомолом, перед Родиной. Но ведь воспитание этого чувства — прямой долг комсомольских руководителей. В этом направлении, по-моему, и должна проводиться вся его работа, ибо это — главное.

А. ТЕР-ГРИГОРИЯН,
студент 3-го курса МГУ.

О живом деле и канцелярских душах

С большим интересом прочитал я в «Смене» статью Вя. Корнилова: «Как бы это называли...». Может быть, кому-нибудь она меняла на занятиях, скажем, что в ней подменены недостатки, типичные не только для комитета комсомола Сормовского судостроительного завода. Из газет мы знаем, что подобные факты имеют место и в других предприятиях. Встречаются они к сожалению, в жизни нашей заводской комсомольской организации.

Все это, конечно, взятое из статьи рассказов о том, как в Золотогорске приходили молодые рабочие с жалобой на мастера. Жалобы эти правильные, но Золотогорину не хочется «взвешиваться в эти кляузы». Он советует все-таки погнать и извиниться перед мастером. «Ребята, упираются! — пишет автор статьи, — но все-таки видно, что в конце концов согласятся». Или же попросить прощения, а положение останется тем же и не изменится... Так и завелось мне крикнуть им вслед: «Для пособий, ребята! Помчимы покорно следуем этому совету? Помчим же ло-комсомольски не доводите начатое дело до конца? Если вы ничего не добились в комитете комсомола, то обратитесь к секретарю партийной организации, подайте в рабочий райком ВЛКСМ или в редакцию комсомольской многотиражки. Слов нет, вы виноваты в том, что совершили прогулку, и за это вас по головам погладят. Но коли с ами поступили неправильно, вам обязательно помогут, действуйте только смело и настойчивее».

Марлен ШИРЯЕВ,
член ВЛКСМ, рабочий Калининского вагоностроительного завода.

В связи со статьей «Как бы чего не наумудрили...» мне хочется привести пример из жизни нашей комсомольской организации.

Не так давно в цехе поступила молодая рабочая из Антонина Чернышова. С первых дней она стала проявлять старательность в труде, кропотливо изучала опыт лучших производственных участка. Вскоре Тоня выдвинулась в число передовых работниц цеха. Я написала ее трудовые успехи в заводскую газету «Возрождение». По предложению мастера участка Леонида и бригадира Ильина имя комсомолки Чернышовой было занесено на золотую Доску почета.

Однако не все по-дружески восприняли это радостное событие в жизни Тони. Кто-то из участка с усмешкой отпускал не-приятные шуточки по ее адресу, злые языки поговаривали, что теперь Тоня стала она передовой рабочинкой.

Может быть, Тоня злюилась? Может, успехи вскружили ей голову? Нет! Этого о комсомолке Антонине Чернышовой никак не скажешь. Она и теперь систематически перевыполняет сменные задания. Вот уже полгода ее имя не сходит с Доски почета. Но злые языки все ее уничиживают.

Однажды в этом цехе нужным распоряжением секретаря нашей ячейкой комсомольской организации Петру Калашникову Казаньской было, это должно было быть глубоко взываюто. Но он даже не побеспокоился с работницами участка, среди которых, кстати сказать, есть и комсомолки.

Не совсем внимательно выслушав меня, он лишь заметил:

— Не слишком ли захваливают Чернышову?

Вместо того чтобы на настоящем вынужнить в статье важное дело, наш комсомольский вожак ограничился лишь равнодушно заданным мне вопросом, за которым явственно слышалось: «Как бы чего не наумудрили...»

Я зовет не хочу этим сказать, что Калашников — плохой человек и никудышный секретарь. Наоборот, заводской комитет комсомоластавил его впереди, хватало времени, чтобы организовать членских заносов и за регулярные проводимые комсомольские собрания. Дело тут совсем в другом. Задаваясь о заросах комсомольцев, наш секретарь иногда относится к своим обязанностям формально. Работа ведется им глазами образованы ради того, чтобы поставить «заязочку» в плане: дескать, мероприятие проведено, так с племя долячи.

Формализм способен погубить всякое интересное, живое дело, ограничить даже самое радостное событие. Иной «руководящий» формализм, например, прежде чем пойти к комсомольцу на свидание, обязательно задумается: «А что скажет секретарь райкома?». В душе, может быть, ему и очень хочется погулять в кругу друзей утварью, но он не решается. Но нестоступое «как бы чего не наумудрили» заставляет его с полуты вернуться обратно.

Таким канцелярским духом надо сказать: «Хватит. Освободите место другим — настоящим комсомольским вожакам».

Игорь КОБЗЕВ

ГОСТЬ

Стук в дверь.

и сейчас же:
— Здорово, приятель! —
И сразу холода.
Ныряют в объятья.
И входит фигура.
В кулачках и в колбасах
И дом наполняет
Несалазинским басом...

— Откуда?
— С Таймыра.
С полярной зимовки.
— Наверное, в отпуск?
— В командировке?

Гость весь расплывается
от умиления.
Он пахнет шторами
И широтой оленей.
А если немножко
Хмельно в голове,
Так это от счастья,
Что вот он в Москве!..

Ему ли ногаечка,
Ни хлеба не нужно,
Ему бы лишь вспомнить
Союзную дружбу,
Слегка высыпнуть
В разговоре с друзьями:
Знакомые
С московскими новостями!
Да вспомнить о том,
Как он спорил с матью
За семейство пятою
Параллелью...

Однако же встреча
В московской квартире,
Пожалуй, прохладнее,
Чем на Таймыре.
Хозяйка
Куда-то уходит из дома:
Она же вела, в сумности,
С ким не знакома.
Ей странно смотреть,
Как он ест без салфетки,
Ей страшно
Зрение статуэтки.

Но самое главное,
Давний приятель —
Бродяга, голода,
Выход изыскатель.
С ком столько скандалы,
И столько дружбы,
С ком вместе не раз
За моржами ходили, —
Он вроде и рад,
Но борческо смущенно:
— Дела, брат.
Ты звякнул бы...

А сам суетится,
Глаза своих приятелей:
Таймыр, мол, Таймыр,
А здесь все иначе...

И вот уполярник
В изломите жаркой
Тунисе, как белый медведь,
В зоопарке.
И, явно спартанец,
Потерял свою веру,
Косится на стрелки
Секундомера...

Анатолий ЛЕВУШКИН

В РАЗВЕДКЕ

Еще лежит в снарках снег,
Но

дружно
молодой весне
кивают
клены ветви.
И пробивается листва.
И режутся травники.
И первые тетерева
в рассветном поединке
слетались,
силились
с клюком

клюв,
и сопернику
соперник.
Отчаянаждый.
Каждый лют.
И вся польская в первых...
Но вдруг
тетерева летят,
не кончи битвы ярой.
Чуть свет
тотографов отряд
направился на мишари.

Лесные тропы повели
в глубокую развязку,
через леса панцирь.
Заучит его проворный шаг
среди пытых лесов.
И острее караимаша
по карте побежало.
Мешера вся
ему видна,
как с птичего полета.
Вот здесь ржавели издавна
тенистые болота.
Тенистые болота...

цвести в пушине трав
лугам ионинским свежим!
А здесь
прямой дорожный тракт
дремучий лес разрезает..
Шагает юноша вперед
вздохом с весной мещёрской.
Он
новый день
в лесе несет;
на ватмане двухверстки,
г. Рязань.

МАСТЕРА БАШКИРСКОЙ СЦЕНЫ

Фото В. Рубинина.

Занавес поднялся, и зрители увидели освещенные отблесками ската сизовато-синие утесы Урала. Возле юрты старинным Юлайем волнистые народ из Оренбурга пришел приказ выступить на подавление пугачевского восстания. Но Салават решает по-своему: он ведет отряд на соединение с Пугачевым.

Затянутое дыхание, следят собирающиеся в зале за судьбой Салавата — люди в костюмах башкирской народной культуры, и спектакль Пугачева. Голоса певцов, яркая обрисовка образов, музыка, насыщенная задушевными народными мелодиями, — все захватывает в этой опере, которая была показана на московской сцене во время декады башкирского искусства.

Башкирский театр оперы и балета существует недолго, всего семнадцать лет. Это своеобразный театр: на его сцене идут оперы как на башкирском, так и на русском языках. В репертуаре немало произведений русских и зарубежных авторов.

Опера «Салават Юлаев» — первое крупное произведение молодого композитора З. Исмагилова. Созданный им спектакль супружество актеров, выросших в годы Советской власти в разных уголках нашей Родины. Исмагилов родился в семье крестьянин-лесоруба. С малых лет его влекло к музыке. В кругах художественной самодеятельности он проявил себя как талантливый исполнитель на народном духовом инструменте — курве.

Потом учёба в Московской консерватории; там он приобрел соревные и обширные знания. Поездки по родному краю, записи песен, которые слагают башкирский народ, помогли Исмагилову глубже постичь характер национальной музыкальной культуры. В опере «Салават Юлаев», широко использованы национальные русские и башкирские народные мелодии, рассказывающие о борьбе угнетенного народа за обострение. Образ Салавата — один из самых ярких в опере. Выступивший в этой роли артист М. Кисматуллин с большой теплотой и проникновенностью раскрыл богатство и красоту душевного мира героя. Партию

женен Салават — юной и женственной Амин — пела талантливая певица Былгына. Во время декады были продемонстрированы также достижения башкирского балета в двух постановках: «Журавлиная песня» А. Степанова и «Лауренция» А. Крайна. Балет «Журавлиная песня» был поставлен театром еще в годы Великой Отечественной войны. С тех пор он не склоняется сцены. Этот поэтический рассказ о любви пастуха Юмагула и дочери бедника — красавицы Зайтунгуль.

Богат Арсланбай, увидев во время охоты прекрасную Зайтунгуль, приказывает слугам схватить ее: он хочет сделать девушку своей женой. Юмагул, брошенный зевотой молодой боя, поспешил помочь, ему приходится отступить. В это время появляются деревенские парни. Они предлагаются устроить по старинному обычью соревнование джигитов, чтобы Зайтунгуль стала жестью скакывающего.

Снова появляется Юмагул, он играет на пастушеском дудке — курае — журавлиную песню. Песня придет ему силу, и он вызывает на поединок Арсланбая. В горячим, отчаянном схватке Юмагул бросает противника на землю, но Арсланбай коварным ударом тяжело ранит Юмагула.

Юмагул, раненный Арсланбаем с ненавистным Арсланбаем. Во время обряда выкупа начинается гроза. Вспоминающиеся смятением гостей, Зайтунгуль убегает в лес, где томится Юмагул, привязанный к дереву салгутами Арсланбая. Увидев возлюбленную, Юмагул разрывается переживания, а прилетевшие журчавки исцеляют его раны. Когда в лесу появляется Арсланбай, пастух убивает своего арага.

«Журавлиная песня» — поэтический, полный лирики и драматизма балет.

Выступила в Москве и старейший театр республики — Башкирский государственный академический театр драмы. Как-то перед началом одно из спектаклей актеры, собравшиеся за кулисами, разговорились и вспомнили годы рождения своего театра.

1919 год. Гражданская война на территории Башкирии была в разгаре, шли беспрерывные бои с белогвардейскими бандами. Из небольших групп красноармейской самодеятельности создавался первый профессиональный театр. Галимзян Карамышев,

Старинный танец девушек в исполнении артистов ансамбля народного танца Башкирской АССР.

ныне народным артистом РСФСР, была в числе зачинателей этого театра. Он, тогда еще совсем юный комсомолец, выступал на самодеятельной сцене, где ставились инсценировки по кинофильмам и башкирским сказкам.

Позже, когда в Уфе открылся техникум театрального искусства, многие учащиеся краеведческой художественной самодеятельности пошли туда учиться. Всего за Каимовину получила путевку в этот техникум Арслан Мубаряков, воспитанник детского дома. Но на экзаменах юный Арслан от волнения забыл все, что он знал, и «пропал» на. На обратный путь леног у него не было, и комсомольцы техникума уговарили директора принять Арслана условно. Юноша был принят. Потом он учился в Москве, а возвращвшись в Башкирию, играл во многих пьесах. Сейчас Арслан Мубаряков — народный артист СССР, один из режиссеров театра. Спектакль «Однокалик береза» М. Каимова — один из его работ.

«Однокалик береза» пристало во время декады позже касалось у зрителей инспирировано по повести М. Гафури «Черноземка», сделанная Г. Амзир и В. Галимовым. В пьесе рассказывается о трагической судьбе бедной крестьянской девушки Галазы и батрака Закира, горячо полюбивших друг друга. Девушка и юноша осмеливались бросаться на авансцену, что запрещено шарлатом. Всю оковетали молодых любят и по законам шарлатана привязали их друг к другу, вымазав лицо сажей, а затем потащили по улицам села. Галима же вынесла такого позора со сцены с ума. В роли героя и у情人 выступил один из лучших актеров театра Т. Бакшанова и молодая артистка комсомолка Л. Файзулина.

С интересной программой выступила ансамбль народного танца Башкирской государственной филармонии. Большой успех вызвал на долю солистов Идрисова, Фахреддинова и Исмагилова, которые исполнили шутовичный танец «Три брата», премированный в Бухаресте на Всемирном фестивале молодежи и студентов.

Высокое мастерство продемонстрировали исполнители танца «Гюльназира», медленного марийского танца, старинного танца башкирских женщин.

Мы расскажем далее не обо всем, что показали народные коллективы в Москве в дни декады. Оперы, драматические спектакли, танцы и другие произведения — все это ярко и полно демонстрируют, каких успехов достигло молодое башкирское искусство, национальное по форме, социалистическое по содержанию.

«Салават Юлаев» З. Исмагилова в
Башкирском государственном те-
атре оперы и балета.

Сцена из балета Л. Степанова
«Куравлальная песня».

Рисунок П. Никитсевича.

Борис ГОРБАТОВ

АЛЕКСЕЙ ГАЙДАШ

С главным героям повести Бориса Горбатова «Алексей Гайдаш» советские читатели вспоминались еще в тридцатые годы. Альша начал свою жизнь на страницах романа «Мое поколение». Кто не помнит, как под руководством первого драчуна и нон-вода сражались в «железном батальоне» ребята с Звездной улицы? Кандид из них считал, что рожден «под дубом Славы».

Драматический роман «Алексей Гайдаш» разворачивается в начале тридцатых годов. Новым своим произведением писатель хотел продолжить «Мое поколение», но завершить ему удалось только первую часть, когда появился роман «Надежда моя».

В «Звездной» герой Алексей Гайдаш — секретарь окружного комсомола. Честолобый, властный, он увлекается администрированием, отрывается от масс. Его снимают с работы и призывают на военную службу. Трудно перенести Алексея этого героя в жизни. Но в «Звездной» герой превращается в героя, становящегося характером Гайдаша. Алексей упорно трудится. На стрельбах в присущем командующему он показывает отличные результаты и становится знаменитым в полку.

Так стал Алексей Гайдаш нежданно-негативным героем полка. Командующий отметил его в приказе. В краевой газете написали: «Весь полк должен стрелять, как коммунист Гайдаш». На полковом партийном собрании его избрали членом нового партийного бюро (старое распустили). Школа гордилась им, лучшим спортсменом. Стремоги сложили песню «Коммунист Гайдаш». С нее шла теперь бойня на стрельбище.

На Конопатин, избранный отсеком полка, снова начали тревожиться за приятеля.

«Теперь конечно. Теперь зазвяется. Погибнет», — обзабочено думал он.

Он решил вызвать Гайдаша к себе домой и за чайком подготововать к нему душам, по-подстрекательски.

«Но...», — сказать ему? Предупредить: не зазвябайся, моя! Обидится. Натира томкая, горячая, закусит удила, понесет. Я его знаю! — не без самодовольства думал он. — От него всего можно ждать — и подвиги и падения. Как отозваться это хорошее, горячее литье. Как придать ему форму?»

С беспокойством ждал он Алексея. Придумывал дипломатические выражения для встречи с Гайдашем. Потом поставил на стол чайник, конфеты, чашки с розовыми лепестками. «Словно невесту жду», — усмехнулся он. — Эх, парень, парень! Знаешь ли ты, как мне дорог?»

Но Гайдаш не пришел. Напрасно поглядывал полпред на часы. Напрасно выключил и выключал электрический чайник. Наконец, рассердившись, он решил сам пойти за Гайдашем.

«Герой! — залаял он, толкая по снегу через полковой плащ. — Зазнался. Уж и в гостиходить не хочет».

Он уже знал, что застанет Гайдаша в ленинском уголке, окруженный восхищенной толпой курсантов. Герой будет в сотый раз рассказывать о своей встрече с командующим, как командующий его обнял, как поцеловал, и курсанты будут ахать и завидовать.

Но ни в ленинском уголке, ни в казарме

Гайдаша не оказалось. Полпред нашел его в спортинговом зале. И то, что он увидел, поразило его. В пустом сумеречном зале Гайдаш молча и сосредоточенно забавлялся с винтовкой: то вскипал вверх и вниз, то вращал ее в стороны. Он был без рубашки, и его юношеская фигура казалась маленькой и странной здесь, в большом, холодном, пустынном зале.

Конопатин тихо окликнул его. Алексей обернулся, но винтовку не отставил, продолжал методически, упрямо вскидывая ее на вытянутые и напряженных руках вверх — вниз — в стороны, вверх — вниз — в стороны. Его лицо было сурово, он удивил и изумилого Конопатина. Конопатин был полпредом, только не этого. Од готов был увидеть сияющее довольствием и бравой удачей лице героя, Козмы Крючкова, Тартараена, а увидел стиснутые зубы, выпавшиеся щеки, лихорадочный, голубой взгляд. И механические, напряженные усилия — три, четыре... словно разжималась и скжималась пружина в механизме, работающем на тугом ходу.

— Ты что это делаешь? — некстати спросил Конопатин.

— Видишь ведь... Три, четыре...

— А зачем?

— Три, четыре...

Владеть винтовкой, как рукой! Чувствовать ее мускулы, как свои, ее кожу, как свою, ее нервы, как свои, ее душу, как свою! Три, четыре...

Конопатин молча следил за ним. Потом неожиданно спросил:

Сегодня тренировочную стреляли?

Алексей опустил винтовку.

— Стреляли.

— А ты стрелял?

— Конечно.

— И стрелял... плохо?

Гайдаш молча вскинул винтовку и со злостью продолжал гимнастику.

— А завтра занятия стрельба? — неумолимо продолжал полпред. — И о стрельбе

рассорт командующему? Продолжайте, товарищ Гайдаш, я вас понял. Три, четыре...

И он, склонясь, обнял Алексея за плечи.

— Ах ты, чудо-юдо рыбка-кит! Значит, и тебе зададо? Задело ведь, сознайся. Я так и знал. Я знал это. Такое время, брат.

Нельзя в стороне. Я знал, что эта будет. Ну, давай, брат, давай потолкуем, сядись. Ты сам скрадковые недостоинства знаешь?

Это что же? Алексей сидел, не уединяясь. Он тащил свою стреляльную подставку за собой, как проказу. Он был дергут. Нетерпеливо и зло рвал он спусковую крючок. Ему не хватало выдержки, склонности, уверенности. Все было у него — отличные глаза, крепкие руки, хорошее дыхание, упрямая башка на плечах. Но было только выдергивки, дисциплины. И это решало все. О, он знал свой стреляльный недостоинства и боролся с ним, как с чертой на затылке.

— Дергун к дергуну, во всем дергун! — со злостью призывался он себе.

— А, тебя не таким окажил увидеть — признался Конопатин. — Думал, зазнался уж-

А что, я бы на твоем месте зазнался. В самом деле: отличные у тебя дела. Ведь правду будем говорить: тебя в полку уже как стрелка похоронили. По третьему разряду. И я грешен. Не ожидал от тебя такой прыти.

Алексей усмехнулся.

— Не ожидал? А теперь признаёшься, руками разводишь и думаешь про себя: «Вот ведь какие бывают случайности!» И тоже ждёшь, как все, что завтра случай мне изменит, и все, как дым, развеется. А я говорю... он стукнулся ладонью по кожаной кобуре, — а я говорю вам: не случайность. Слышите? Не случайность.

Конопатин пристально посмотрел на него и крякнул: «Ага!».

— Могу я закурить здесь?

Он ни о чем больше не спрашивал. Он только внимательно глядел на приятеля, и Алексею казалось, что полтитрук уже все знает. Он рассердился даже: черт подери, откуда у этого рожного парня такие глаза?

Ну да. Покоя не было в его уязвленной душе. Ему казалось, что он что-то упустил, забыл, проморгал. Завтра это откроется, и весь полк будет смеяться над вчерашним героем.

Она снова и снова воровалась с зиновкой, присиживая вечера над книгами, перед своим тщательно перетрехивал свою красноармейское хозяйство. Вытаскивал из чехла саперную лопату, снова и снова принималась чистить ее. «Еще скажут: у Гайдара шашечный инструмент не в порядке!». Потом он замечал, что чехол грязный. Надо бы простираять его. Где? «Ну, это в следующий раз», — решал он. У всех газенки. Но мыль с грязью захв

«всех грязи». Но мыло с гризом чхле-
ни покидало его. «Завтра же постригаю». Он
брал противогаз. Начинал копаться в нем.
Протирал очки. Вытирая насухо маску, сма-
гивал маслом горло патрубка, наводил глянец
на коробку. Все это и без того было чисто,
блестело, играло под тусклыми лучами лампы,
а он все возился да возился.

«Что еще? Что еще теперь?» Он вдруг вспомнился об учебных патронах. Доставал подсумок. Патроны оказывались в полном комплекте. Но он снова рассматривал их один за другим. Одни патроны оказались грязным. «Ну вот, иду вон», — зло地说了声，— а завтра сказали бы: «У Гайдмана патроны в грязи». И он жестоко принуждал чистить их.

Тут заставал его отбой. «Спать!» — озабоченно вздыхал он. Но прежде он надевал на ремень лопатку, подсумок, клал на табурет у кровати противогаз на случай ночной тревоги.

Теперь все. Терять спать. «А чехол-то грязный...» — вспоминал он.
«Слаты! Слаты!» Он ложился. Он чувствовал усталость, какая никогда не сдавала раньше. Но это было не только физическое утомление, — насыщенные измученных мускулов, слабость поработавших рук, — это было усталость душевная, перегрев сердечного мотора. Когда он засыпал, то постепенно его мысли отдалялись, терялись, же и мозг и память не знали никаких «Что было следом?». Он вспоминал во сне «байкальский чехол грязный». Вдруг оказывался на Гайдамакской, грязной, никого не видел, а вскоре вспоминал, что он вспоминал.

сбрасывая его мягко упрекнули в плохой за- правке койки. «Из матраца солома торчит». Это было сказано мимоходом, и Стрепетов, влюбленный в Гайдаша, даже закричал воз- мущенно:

— Это мелочи!

Но Алеша молча вышел, взял иглу и зашил матрац.

Что еще? Что еще танец? Никогда не думал, что, могут им так полностью и безраздельно овладеть заботы оружейном ремесле, от очередной стрельбы, о затяжном выходе в горы? Были ли когда-нибудь у него другие планы? Инидога он беззастенчиво шумные пляски, комсомольские драки. Но об этом некогда было думать. «Мой пленум теперь на стрельбище», — говорил он смеясь. — «Мой пленум — стать отличным крашенинцем-большевиком!» Этого от меня сейчас требует партия. Смогу ли я? Смогу? — отвечал он, стискивая зубы.

— Смогу. Этак же, «суворинской» трускавой он

Кополатин, который сидел рядом с ним и задумчиво сосал папиросу. Но Кополатин ничего не ответил и умоляюще произнес: «Погодите, я вспомню». Алексею вдруг захотелось говорить и говорить о себе. Ему давно хотелось этого. Ему хотелось выложить все, что было в нем, на землю. И он начал говорить, говорить и говорить.

— Ты погоди, погоди, — перебил его нахмуренный Конопаткин. — Что за бичевание? Не на исповеди. Ты не наговаривай на себя.

ею Конопани или нет, стал рассказывать всю свою жизнь, короткую, такую прямолинейную начале и такую путаную, сбившуюся в конце. Он рассказал о своем краешении, о том, как пришел это, что пережил, что пережил.

— Тогда-то, — сказала он, задумчиво глядя, как тает синий дымок коноплатной папиросы, — тогда-то я и спросила себя, насколько

Продолжай.

— Нет, я правду говорю, — возразил Алексей. — Я пережил все это. Через многое перешла, потому и говорю тебе. Ты думала: отступи вдруг у рабочего парня такое интеллигентское самокомпромисс? Нам ведь литераторы в сложных чувствах отказаны. Он был простой рабочий.

— Ну, я бы... — спросил я. — А ты...
— Я бы... — мотнула головой. — На разные лады задавала я тебе этот вопрос. Видишь ли, я никогда не была беспартийным. Ребенком я пришла в детскую коммунистическую группу. Вихрьотом оголымя вступила в коммос. Вихрьотом парененым передала меня в партию. И никогда, ни разу не спрашивала я себя: почему, да большевик ли я? Я тут спросила: Саша спросила, и знаешь, не смог дать ответа. Ты помнишь, политику, не смог дать ответа.

— Еще страшней ответить себе: нет, не большизин.

— А может быть, просто смелости не хватило так ответить? — прошептал Алеша.
Конопаткин с любопытством посмотрел на него, увидел взволнованное лицо и смущенно

— Может быть, просто смелости не хватило, — упрямо повторил Алеша. — Не хватило смелости мужества. О, я часто потом думал

ности, музейства. О, я часто потом думал об этом. Вспоминал в жизни думал о том, что, допустим, если присмотреться, то видишь честность, то отвагу? Ведь и я же был? Я, конечно, не думал, не раздумывал. Естественно было, что я, парень с Западной улицы, сын рабочего, сам рабочий, постучался в двери комсомола, потому перешел в партию. Куда еще мне еще было ступиться? Парень я активистский, горячий, общественный. Я, брат, создан для организации, для политической борьбы. Вот я пошел в ту организацию, которая мне дала все это, родил, стал большевиком. Но стала ли я большевиком? Членом партии я стал, но большевиком? Глупо так делать вопрос, скажешь ты. Нет, не так же глупо. Я это понял на себе. И тогда возник у меня другой вопрос, еще интереснее. «Хорошо», — сказала я себе, — что ты, мальчик, свою первую партию потому что видел, что люди, революционные люди, спасли тебя и все свое поколение к этой единственной честной партии. Ну, а до революции, когда все было не так отчизнено, ибо, если все было пущанье, туманней, в какой бы тогда партии ты окунулся, Алексей Гаврилович? Нет, это не зрявший вопрос. Это был организационный вопрос. Это вопрос о мировоззрении, характере человека, о его пути, его судьбе. Нельзя жить — я недавно только понял это, то понял краем, — не жить без мировоззрения, хотя я и жил, считая себя марксистом, будучи только неучем. Кем же были мы, в каких партиях окунулись мы до рождения? Мы не могли пропасть. Стала Рабинович за меня в зале. Он был в зале, и тогда я понял, что многое моего поколения в поисках за себя, за люди, Беня, Кондратова, коммунистов, коммунистов, коммунистов.

ся. Ну, а я? Я, Алексей Гайдай, с моим характером? Мещаниковым? Нет, никогда этого я точно знаю. Лягушка эта птица скажет, лягушка, патрик фармаконта и присяжных зверьков извергика не заманила бы ее, даже не «пойми я ее предательской политикой». Троцкистом? Ну, это еще поддел, с ними бы я не был. Иудаизм. Эсером? Куда же никогда не было мне родней. Только, знаешь ли, был в моей биографии факт, когда я чутко было не возвещал стать торговцем. Ну, это глупость. Не стал и не мог стать. Нет, ни эсером, ни кадетом, ни черносотенцем я бы не стал. Но бы я большевиком? Встреть я, конечно, большевиков на своем пути, может быть, стал бы и большевиком. Но, знаешь, если откровенно говорить, очень возможно, что стал бы и большевиком. И тогда недавно подумал я об этом, я испытал. Неужели аристократом? И тогда возникнула я со своим характером, я же тебе говорю, я не из тех, кто, когда приводят меня к адвокату. Ты спросишь у меня о стрелковом недостатке. Это мой и жизненный и политический недостаток. Я дегряз. Парень без дисциплины, без выдержки, без знаний, без настоящего чувства коллектизма, хоть в коллективе я с детства.

— Ты погоди, погоди, — перебил его нагруженными Коноплаты. — Что за бичевание? Не я исповедую. Ты не наговариваешь на себя. Продолжай.

— Нет, я правду говорю, — возразил Алексей. — Я пережил все это. Через многое переступил, потому и говорю так. Ты думаешь: кидаю варуху, рабочему парня такого интеллигентского самонадеянья? Надеялся литератором в сложных чувствах отказаны. Он был цыганкой способной, любящей, ах, да, любящей.

шахтер, простой рабочий, с простыми чувствами, проницими и дешевыми, как его рубаха.

Нет. Человеку свойственен анализ своих мыслей и поступков. Он этим и отличается от скотины. Я сказал только: знай мера, Алексей, этап, и до же лезных вериг договориться можно. Но монашествуй, не бей головы, не колоться лбом. Помнишь ли... Коловрат поморщицы...—мы это неизменно... но, и болио слышать от тебя, дура ты стоецко-вася...

Алексей с удивлением взглянул на него и, поняв, смущился.

— Хорошо,— пробормотал он,— не буду. Мы ведь мужчины. Ну, дальше что ж? Дальше — армия. Армия! Красная Армия! Знаешь, я в юде об армии давно мечтал. Ты не поверишь...

— Отчего же?
— Ну, как я знаешь,— опять смущаясь Але-
ши, — как я себя в армии показал. Вспомнишь
навсегда. Но тому причины были. Ты знаешь
меня? Я другого. Вот в книгах рассказывают: ар-
мия — школа жизни. Приведу тебе сейчас серий
крестьянской пареной солдатской жизни, какими они
откликаются, называят, обнажаят, и выходят
из молодец молодцом, грамотным, и переустраи-
ванием деревни. Все это есть. Все это вер-
но, хотя и любопытно. В жизни лучше. Но ведь
я-то не в лихах пришел, в армию. Меня грам-
отеть учить не надо. Я грамотный. Даже одно
время считал себешибко грамотным, ты это
помнишь. Чем же мне твои? Потерянные го-
ды? В те томительные ночи, что думал я о
жизни, как бы большевике, была у меня только
одна мысль: «Надо!..»
— «Ладно», — написала она, — ты плохой
большевик. Ты не умея ни жить, ни работать
по-большевистски. Но зато сумеешь ли ты
умереть, когда придется, за партию, за Роди-
ну?» И я отвечал, не моргнув глазом: «Су-
меюсь». И я сейчас не враз. Ко мне так трону-
щиеся подкатывались. Этой вот самой Бакин-
ской. Ты знаешь. На обиде моей — я ведь себя
почтил обиженным — хотели склонить. Я про-
тестовал: «Куда черту! Не по пути. Я зна-
ю, что значит: быть в партии и умреть за нее. Но
я — ком-ленинец. Умереть — на фронте, мэр в
башне я сумею стойко. Но вот в армии оказалось,
что слыхать война, и я не смогу, по-
нимаемы ты, не смогу даже умереть за
Родину с толком. То есть умереть, конечно, конечно,
согласно, но так же может погибнуть и полено
сусеки, разделанный гусеницей тяжелого
танка. «ДД». Это было страшно, когда я по-
нимал, что это война... Партия скомандует: «Ком-
мунисты, вперед!» А я и спрятал, ни воевать.

умею... Путаться под ногами... Мешат... Бор... И тогда захотелось мне стать отличным бойцом. Что захотелось! Пониздилось. Дол-зарезу... Армия явилась для меня школой — в приготовительном классе пока... — но школой иной, чем рисуют в книжках. Это ты знаешь лучше меня: школа большевистской дисциплины, большевистской выдержки, и большевистского мужества, с большевистской неизвестностью.

Командующий спросил меня: «Не трудно ли вам в армии?» Откуда он знал, а, Конопатин? Нет, я сама это знала. И я, Вания, сказала правду. Тогда же, в трудах Франклина, трудностей я не боялась никогда. Мне Стрепетов, когда мы сюда ехали, сказал, что единственный, о ком он беспокоится, — это армянский капитан.

— Но да. Парень к изложенному столу привык, а я, брат, бызыди, и казнь был раз. Нет, капитану свою не испугаешь. Да и Стрепетов сейчас кашу вновь рубает, добавки требует. Нет, не физических трудностей боялся я. Я парень здоровый. А дисциплини... Я отвя-тила тебе уже: я возненавидел анархизм и индивидуализм в себе и вытравил, выдавал их из себя на канве.

Он замолчал. Его лицо было бледно, и зубы стягивались. Конопатин покрался курить. Окурок аккуратно сложенный кукой на рожкой кожаной кобыле, уже погас.

— Ну вот... выдохнул Алексей... Вот и все. Нежданно-негаданно стала я, как ты выражалась, героям. Я знаю: вы считаете это простой случайностью. Так думал и я в душе... Стрепетова при командующем было слушайной, ну... вдохновленной, что ли... как импровизация на скрипке. Знаю: и как всякая импровизация, ее трудно повторить. А я повторю! — за-кричал я. — Я всегда буду так стрелять. Не импровизирую, говорю вам. Вы можете мне верить, или не верить, но назад теперь меня не повернуть!

Он остановился, зло поблескивая глазами, готовый к спору, к драке, к борьбе. Но Конопатин молчал и попыхивал папироской. Потом неожиданно спросил:

— А ты думаешь, что если стал отличным стрелком, если у тебя саперная лопатка блестит, так ты уж и великолепный боец? Алексей растерялся.

— Нет, разумеется... — Я рад этому разговору, — сказал Конопатин и встал, стражища пепел с себя. Потом, утомленный походом на Азию и потерянной в пути руки на плечи... Чешуя, слово, я рад. Нашились поговорить с собой Алексея. Мы мужчины, ты сам сказал так. Поэтому, если моя слова будут жестокими, ты не взымь, Ладно? Ну вот.

Подошел к окну и посмотрел на улицу: плац, облитый лунным светом, поблескивал си-ними искрами.

— Мы выходим на большую дорогу, друг Алексей, — задумчиво сказал политрук. — Мальчики чесуи, нороды, воронежцы, подольчане, чекисты астраханцы... и сколько вахтанговцев из Кавказа. Мы находим свою дорогу, ее определили, как все и всегда. Нам легче, дороги распахнуты перед нами, и то трудней. Кому многое скроется, с того много и спросятися. С нас мало спросятися, Алексей. В стечествие времи мы с собой живем, товарищи, потому будут завидовать нам. Вот мы стоим с тобой и толкнем. Не новая тема. Сотни лет молодые люди, наши с тобой ровесники, стояли вот так же, обнявшись, у окна. Смотрели, как играет сине-зеленый свет и гомонят о том же. Ох, о зоре заревинии, о зоре на море! под идеологи — позывай это, как хочешь, сущность одна: перед молодыми людьми лежала дорога, и они думали о том, как по ней пройти. Все они искали путеводную звезду, ждали попутного ветра. Молодые люди всегда искали. Они забылись, наделись, разочаровывались и снова искали. Одни искали бога, другие бросались в туманные дали немецкой философии, третьи бродили без догмата, непрекращающими зеваками, четвертые нахваливали вездесущий в отцовском добре и счастье становившие ладончиками, сияли на пыльный чердак юношеские грезы и чаяния. Нам с тобой, Алексея, не надо искать и бродить в тумане. Мы нашли. Нашили в борьбе, в боях. Ты скажешь: это наши отцы нашли, а не мы. Нет, и мы. То, что завоевали в Октябре отцы, досталось нам не только по наследству. Мы бо-

вой практикой осознали и получили это практическое наследство. Мы нашли самую верную философию, самую чистую веру, самую бескорыстную любовь и самую смелую неизвестность. Молодые люди всегда искали идеалов, образов, учителей. Нам с тобой, молодым людям тридцатых годов двадцатого века, аксиома: вот он, — он указал на портрет, присущийший со стены, — это идеал большевистский, идеал человека. Для нас с тобой вопрос в том, как приблизиться к этому идеалу.

Он замолчал и долго смотрел в окно.

— Как? Как стать человеком, что надо? — наклонил свою заговорюю голову... — Как прожить свою жизнь с толком, оставив след на земле? Не раз и не два задумывалась я над этим, как делалось всегда, вероятно, другим людям моего поколения. Самоопытность? Самоисследование? Гимнастика ума, воды, чувств? Аксессуум? Составить для себя правила поведения и строго следовать им? Я читала где-то, что многие великие люди поступали так. Франклины, Толстой, например. Франклины-Юнанская стала себе отмечкой за поведение. «Бережливость — двойника». Значит, потратились на леденики. Что ж, и нам с тобой завести такие отметки? Составить катехизис добрых правил и каждый день заглядывать в него?

Алексей засмеялся.

— Да, им это смешно. А им, что ж, им, вероятно... — продолжал Конопатин. — Чай же я у Симеона, у Симеона-богомолова, посвященные воспитанию человеческого характера. Он рекомендует упражнения, уроки, делает наставления. Подойдет ли это? Заняться самосовершенствованием? Избегать общества дурных товарищей, окружить себя умными книгами, стать книжными червями? Глядеть на жизнь только через книги? В великолепном одиночестве опущаться себе центром мира, драгоценным сосудом знаний, без надежды привлечь эти знания к практической жизни? Видел я этикеты в коттедже, в комитетах, в заседаниях, бесконечные они, как слепые коты. Видел я грави-бус, античные формулы. Нет, и это не подойдет. Характер, мы знаем это с собой, формируется в борьбе и в труде. У нас в году выражение: «Работа над собой». Мы произносим это и часто не понимаем всей мудрости этой фразы. Работа над собой! Работа за-меть. И трудная работа, скажу по части. Вспомнилось мне сейчас, — усмехнулся он, — как один благородный римлянин в Анатолии Фриско, — я не помню, какими были его по-рестах, — подвигнулся другом в пытке побеждать самим себя. Давно я от этого времени, когда почтается волны. Мы знаем это с собой, Алексея, но мы хотим побороть и победить в себе гнилые, передельвать самих себя. Работать над собой, сказали бы мы по-нашему. Я спросил тебя, — продолжал он, видя, что Алексей внимательно и молча слушает, — достаточно ли быть отличным стрелком, чтобы считать себя уже отличным коммунистом? Скажи, пожалуйста, коммунист должен владеть техникой? Скажи, пожалуйста, коммунист должен владеть ружьем — ты обязаны отлично владеть ружьем, — он улыбнулся, — склонны лишишь ружейную гимнастику, — заиграя партнера поставил тебе ру-дом с Димитровым к прилавку — и, будь добр, поучись у Димитрова отлично шелк от маркиза. Но делает ли одно отличное владение техникой человека большевиком? Нет. Сам знаешь, этого мало. Что же звучит? Есть в тебе это? Большевиком отличают прежде всего способность к работе, способность к труду, способность нести тяжкие работы на плечах и глубоких знаний. Есть она у тебя? Идеяность предполагает в большевисте принципиальность, недиримость, ясное знание цели, умение стремиться к достижению ее. Есть ли в тебе все это? У большевика выше всего и выше всего его партийности, преданность партии и делу освобождения человечества. Без берегов эта преданность, самая великая жертва во имя ее легких осуществимости. Если во имя торжества идеи, человеческой справедливости, если в тебе есть, то во имя обожженной человеческой на какие жертвы ты не покусинишься? В тебе эта преданность есть, я это знаю, товариши. Но есть ли в тебе, Алексей, умение проявить эту преданность революции с наибольшей полной? Не просто это — зайти для себя дело, где ты сможешь с наибольшей полной, отдавая все, что имеешь, служить революции.

Большевик должен, далее быть вожаком мира. Если же ты какой-нибудь болван... Что из того, что ты хромаешь, глупиша, убийца... Мина забыла, если ты Мина забыла не танцевать за собой? Что из того, что ты отчизне стреляет плохо? А ведьди ли ты за собой минабаевых, Алексей Гайдай? Или все же это самое совершенствоование, знания в конволюции для себя, грамоты за личные успехи на стекну в раковину?

— Это не по адресу, — пробормотал смущенный Алексей. — Все равно, продолжай.

— Не по адресу? — пожал плечами политрук. — Что ж, я, римлянин, обратился за неизложенным к тебе, Алексея, забытостей.

Еще неделю назад, — продолжал Алексей — я принесла бы это к тебе. Впрочем, принимаю и сейчас. Пригодится.

— Я наблюдал за тобой, Алексея, часто и много еще в роте. Я дразнил этого разговора хотел. Но больше ты громовой, Алексея. От тебя струится электричество. Страшно стоять рядом. Искры... — Он засмеялся. — Иногда я думаю: откуда в тебе столько злости? Если я гаубицу зарядил да выстрелил — проблема межпланетных путешествий будет решена. Алексей промолчал.

— Ну, наше место было, — рассудил политрук, — это тоже злоказ.

— Ну, бей, — наклоняя голову Алексея-Бая, Вания, я склоняю.

— Зачем ты зубы стиснула? Зачем эта ощеренность? Я вспомнил, увидел тебя, испугалась. Зачем этот надрыв? Кому и, главное, что доказать хочешь? Ведь ты все время доказываешь что-то. Ты не просто вились в околе и стреляешь, а кому-то доказываешь: вот, мол, Алексей Гайдай, который вы по третьям разряду похоронили, стал отличным стрелком. Ты не просто бежишь выполнить приказания десантного батальона, а потом, выстроившись, мол, Алексей Гайдай, я скрипичник и скрипичник, кто выполнил беспрекословно приказание. Пускай ли это на большевистскую дисциплину! Пускай, да ведь тебе, кому ты доказать что-то хочешь, первые рядовьи даются твоим успехам будут: ай да Алексея, ай да наше! И работай твои в Цекаполе, то, которые тебя ест пост» синими, первые же и обращаются. Наш, скажут, парень, инициатива, Армия ему на пользу пошла, и сам он стал армии подлецом. Не правду разве я говорила тебе, что?

— Ах, Иван! — воскликнула смущенная Алексея. — Прекрасной ты души парень. Вершили ли, что могу я стати таким парнем? То, что говорю я тебе — я говорю и тебе каждый день. Какой я учитель тебе! Я говорю только то, что сам чувствую. Не молчи же: «Бохенека, помоги мне быть хорошим!» — не заклинания. Хочется просто осмысливать, как живешь, зачем, для чего. Понимаешь, когда видишь вокруг, как замечательно растут люди, какие чудесные они дела! А если я буду с самому быть ее хуже. Эх, браток! Каждое чудесное время выпадает на тебя удачу жить!

В дверях кто-то вежливо закашлялся. Оба оглянулись. Дневальный со штыком у пояса продолжал сказывать.

— Ах да ведь давай отойдь, — спохватился Конопатин. — А мы тут с тобой о дисциплине толкуем да дисциплину же и нарушаем. Спать, товариши, красноречием, спать.

— Погоди, Алексея, — сказал Алексей. — Ты не говори тебе немного... — сказал Алексей.

Он нахмурился, покосился на меня, пристально с полигоном. Молча прошли они сквозь синий плац. Ночь выдалась душная и тихая. Облыстые ее мирным сиянием, спали черные здания полкового города. В конвойной синий заряжал жеребец. В полковой кухне мундир и погас огонек. У ворот, прислонившись к будке, глядел на лунное небо дебольский.

— Послушай, Иван, — сказал, прощаясь, Алексея, — отчего мне так в дурачки весят? — Он крепко-крепко руку, растягивавшуюся политрука и боярьшина, сжал.

Конопатин изволил довольно погладить ему щеку, посыпал пылью, — значит, спать. «Постой, постой! — хотят закризть сини. — Постой, чудо-юло рабы-кин!» Но только стоял и смотрел растянувшись на дорогу, где скрывался широколицкий, крылатый от наброшенной шинели силузт товарища.

Бернардино Пинтуриккьо (1455—1513).

«Портрет мальчика».
Дрезденская галерея.

«Коповы у крестильной часовни».

Ян ван Гейен (1596—1656).

ДВА МЕСЯЦА В ПЕКИНЕ

Гастрольная поездка с театром имени Станиславского и Немировича-Данченко в Китайскую Народную Республику стала незабываемым событием в моей жизни.

Две недели я провела в яркий, солнечный день. На вокзалах мы встречали представителей театральной и музыкальной общественности города. А лица их светились такой радостью, что мы сразу почувствовались себя, как в родной семье.

Наши спектакли должны были проходить в театре «Небесный мост», который строился в рабочем районе Тянь-Цзю. Сцену украсили яркими занавесами с цветными тутшами, а сейс его украсивают многостежными красными домами.

К нашему приезду постройка театра еще не была закончена. Между тем до премьеры оставалось только пять дней. Мы думали, что наши друзья не успеют закончить работу, тем более, что в Китае на стройке еще мало машин и многое делается вручную. Но дружеские усилия организаторов и строителей помогают нашим друзьям делать чудеса, иное здание театра было закончено точно в срок.

Мы показали в Пекине шесть спектаклей. Особенно большим успехом пользовались «Лебединое озеро», «Эсмеральда» и «Евгений Онегин». Узнав, что в репертуаре советского театра будет «Евгений Онегин», мы с удовольствием зарядили публики произведением Пушкина, чтобы лучше понять оперу. Стремление попасть на спектакль советского театра было так велико, что уже за два месяца до гастролей билеты были распроданы.

В дни гастролей мы сдружились с китайскими артистами и музыкантами. Наше первое знакомство с ними произошло во время концерта в Большом консерваторском дворце. Перед отъездом всем нам раздали шелковые розочки музыкантам — зеленые, артистам балета — розовые и т. д. У китайских товарищей тоже были приготовлены различные розочки. Так мы смогли найти товарищеский контакт и поговорить с ними.

Мне было немножко грустно, что я не встретила в Пекине своих коллег из других стран, в оркестрах. Печина ярко пела песни. Правда, я знала, что скоро они будут. Советский Союз уже посыпал в дар оркестру первую арабу, изготовленную советской фабрикой. И вот мне сказали, что меня ищет молоденькая девушка Лю Шутэнь, артистка. Мы встретились как хорошие друзья. Конечно, трудно было объясняться на двух языках, но мы дополняли слова жестами и хорошо понимали друг друга.

Второй раз мы встретились с музыкантами Пекина на симфоническом концерте, который они устроили для нас. Исполнялась симфония «Соль-минор» Моцарта, увертюра к опере «Руслан и Людмила» Глинки, симфоническая увертюра «Весенний праздник» китайского композитора Лю Ху-лань и многое другое. Выполнение было прекрасным, и даже с трудом верилось, что оркестры, участвовавшие в этом концерте, существуют всего два года.

Коллективы симфонических оркестров состоят исключительно из молодежи. Концертирует центрального симфонического оркестра всего лишь двадцать два года. Он спел многое, кроме того, имеет диплом инженера. Девушка — концертирующая оркестра экспериментальной оперы — двадцать четыре года.

После концерта мы долго беседовали со своими новыми друзьями, а в последующие дни стали заниматься с ними, стараясь за этот короткий срок передать им свой опыт.

Занятия проходили в гостинице. На это время она превратилась в своеобразную консерваторию. Из всех номеров неслись звуки скрипок, флейт, виолончелей.

Много ученых, преподавателей из Чинчжоу с напряженным вниманием слушали она за мониторами объяснениями во время занятий и быстро все схватывала.

За два месяца наши китайские друзья благодаючи их исключительной воспримчивости, огромной упорной работе научились многому.

И вот заключительный концерт. На нем выступил смешанный оркестр китайских и русских музыкантов. Затем в зале пурпуром сидели рядом китайцы и русские. Несколько произведений мы исполнены под управлением главного дирижера экспериментальной оперы Ли Го-чена.

Молодые артисты балета исполнили испанский и венгерский танцы из «Лебединого озера». Особенно нас поразила одна из девушек. Не верилось, что она учится всего год и настолько уверенно, темпераментно, красиво танцевала она испанский танец. А также Альбино Леопольди в опере «Запорожец за Дунаем». Зато долго аплодировал гала-балет молодежи, которая, в свою очередь, благодаря наших артистов за помощь. Эти спектакли выились в демонстрацию дружбы двух великих народов.

За время пребывания в Пекине мы с огромным интересом изучали замечательные китайские традиции. В консерваторском оперном театре мы слушали оперу «Лю Ху-лань». Эта опера — наглядный пример становления реализма на современной китайской сцене. Она повествует о девушке Лю Ху-лань, которая отдала жизнь за свободу своей отчизны. До сих пор ее имя с любовью, уважением и гордостью вспоминают миллионы ее соотечественников.

В опере показано, как село Юньчжуково, в котором находились раненные бойцы Народно-освободительной армии, захватили чаинкишисты. Жители наложили спирт на врага. Молодая коммунистка Лю Ху-лань тоже осталась в Юньчжуково, чтобы уничтожить зараженных.

Чаинкишисты удалось поймать Лю Ху-лань. Героиня погибает, но не выдаёт бойцов. Народная армия освободила село, крестясь, и вонзила на могиле Лю Ху-лань погорелье отомстить за нее, уничтожив врага.

Этот спектакль превзошел все наши ожидания. Замечательно играли все артисты и особенно Фан Сю-ти, создавшая незабываемый образ молодой героини. Сцены пропадания с матерью, допроса и казни были пронесены артисткой с огромной драматической силой.

В классической китайской опере нас поразило своеобразие постановки. Здесь существует множество уловностей, которые делают спектакль совершенно необычайным для наших глаз, особенно почтально. Например, если герой идет по сцене вслед за другим актером, — это означает, что герой едет на лошади. Если супруг героя находит свою жену в другой комнате, поклонившись, держка в руках ее платье — это означает, что она едет в карете. Если актер несколько раз прошелся по сцене, зрители знают, что он утомлен долгим путем. Если в его руках весло, — значит, он плавает на лодке. Все эти «уловочные знаки» отлично известны китайским зрителям, они привыкли к ним.

Так же уловочность и в приеме. Если помажут чесноком ярость молодой актор, он не гrimmится, а только привыкает себе бороду. До сих пор женские роли в китайском классическом театре часто исполняются мужчинами. Декорации почти нет. Действие сопровождается музыкой, исполняющейся на народных инструментах.

Театр классической оперы называется также и Мэйланьфаником театром. Назван он так в честь китайского артиста Мэй Лань-фана, который до сих пор, несмотря на свои шестьдесят лет, играет на сцене роль китайских девушки. Правда, теперь он выступает уже не так часто: огромная палеографическая любовь Аланько общественной деятельности отнимают у него много времени и сил. Но нам повезло. В спектакле «Хранители золотых гор», на который мы попали, Мэй Лань-фан исполнил роль прелестной молодой девушки. Игра он удивительно легка, грациозна, пластична и невозможно было ее предугадать, что перед нами старейший актер страны. Аланько, дескать, пытается играть синий цветок. Вторую женскую роль играл сын Мэй Лань-фана Мэй Бэй-чу. Мэй Лань-фан в течение последних лет много делает, чтобы приблизить классическую оперу к массам, чтобы сделать ее понятной, доступной для рабочих и крестьян. Вся его работа в театре и театральном вузе — живой пример беззаветного служения искусству.

Вообще все в классической опере нас восхищало актерское мастерство. Артисты в совершенстве владеют телом, голосом, мускулатурой лица. Акробатические движения, сцены поединков и сражений не могут не восхищать своей точностью, экспрессии. И все это полно смысла, содержательности, красоты!

Не раз было мы и на конкретных выступлениях. Например, приехал огромный, блеклое количество исполнителей на русском языке произведения классиков русской музыки и советских композиторов: арии Мизгири из оперы «Иван Сусанин», дуэт Азизы и Полины из оперы «Молчанова дева», романсы Чайковского и Римского-Корсакова, арии Любки из оперы «Молчанова дева», песня «Москва — Пекин» Мурзакова, народные песни «За окном чайки колышатся».

Наступило время нашего отъезда. Мы сердечно прощались со своими друзьями, ставшими нам дорогими и близкими за такой короткий срок. Вернувшись в родную Москву, мы тепло вспоминали китайских товарищей, познакомивших нас с замечательным искусством своей великой страны.

Пусть крепнет дружба наших великих народов!

Ирина СОВЕТОВА

Мэй Лань-фан в женской роли (опера «Ольгинская» Ян Гун-Фай).

Олег Адриев и Аскат Ашрапов на киносъемке.
Фото Г. Борисова.

ПЕРВАЯ УДАЧА

Конец августа. Густой предурождения туман окутывает берега Оки. Рыболов застыл над своим удочкой. «Сквозь серую мглу с трудом пробивается бледный свет заря...»

Так начинается фильм об одном из последних дней лета — времени первых желтых листьев на кленах, последних пинкерных и первых охотовичных сирени. Этот фильм — длительная работа трех выпускников Государственного института кинематографии. О них мы и хотим рассказать.

Студенты операторского факультета Аскат Ашрапов и Олег Адриев занимались в институте под руководством профессора Э. К. Несиба и А. Д. Борисова. Чего только не приходилось им снимать за эти годы! Начали с «человека-птицы» фотографии: с гипсов, портретов, патомортов. Потом перешли на съемку пейзажей. Далее последовали спортивные репортажи и короткие кино очерки.

Особенно большую пользу принесли студентам практики. Тут же и кинестро, почти мгновенно определив композицию съемки, наставил правильную позицию для аппарата, чтобы он как бы «подглядывал» за происходящим, не своего присутствия не обнаживал.

Последний курс, заключительный этап учебы — съемки фрагментов из «Боян и мифах». Тщетно. Аскат и Олег не могли работать.

В качестве дипломного фильма руководители кафедры посоветовали Ашрапову и Адриеву снять работу студентов в пуще, перечитавши произведения, в которых описывалась природа средней полосы России.

Сделать эту картину на цветной пленке. Но пока доставали пленку, собирали материал, пушкини засекли практику и разъехались по домам. Снимать заповедник было уже не так интересно.

Вот тут-то на одном из вечеров в клубе и произошел разговор молодых операторов с Виктором Заком, студентом-выпускником режиссерского факультета. Полезли в мечтания, планы. Виктор рассказал другим, что он давно собирался заснять короткий кинорассказ о бывшей усадьбе художника Поленова. Почему бы им совместно не снять этот фильм? Подумав, Аскат и Олег согласились: работы обещали быть интересной. К тому же Ашрапов был на Оке привычен, когда проходил практику в «съездной» группе фильма «Верные друзья», и чо-кою знал та места.

Тема не вызвала возражений со стороны руководителей кафедр. Аскат и Виктор выехали на Оку, чтобы наметить места будущих съемок. И здесь студенты увидели, что первоначальный замысел их слегка узок. Было решено добавить усадьбу «Поленово» — начало частью широкого рассказа о летнем дне на Оке.

Началась кропотливая работа. Надо было написать предварительный сценарий. Многое в нем, конечно, должно измениться по ходу съемок, но это не мешало юношам подолгу обсуждать каждый кадр будущего фильма. По окончании съемок они проводили ее в зале Третьяковской галереи у полотна Левитана. Поленова и других мастеров пейзажа, перечитавши произведения, в которых описывалась природа средней полосы России.

В начале августа маленькая экспедиция выехала на место. С рюкзаками за плечами и двумя небольшими склоненными камерами в руках юноши пошли в одинажды утром — теплая, поросшая травой поляна Тарусы. Обосновались в одном из домиков, и рабочая засекла.

Тот, кто не знаком с техникой кинотайповой съемки, подозревает, какого терпения и здравомыслия она требует. Капризная природа ежеминутно готовит какой-нибудь сюрприз, то некстати набегает облака, то всплывают из-под воды гладь реки — и снимать задуманный кадр уже нельзя, дожидаясь другого случая. А студентам нельзя ждать: был конец лета, и солнечные дни выдыхались редко. Юноши вставали до рассвета и терпеливо «подстерегали» какой-нибудь особенно красивый восход. Многие кадры были сняты, но настоящего, интересного начала у фильма все еще не было.

Однажды Олег вбежал в комнату, когда его товарищи еще спали.

— Ребята, — закричал он. — Вставайтесь! Туман пришел!

Это было радостное событие. Давно они не решали начать фильм с картины истощенного скота со склонов Тарусы, но трудно достичь такого начала: искусственно тумана не создашь, а когда он вдруг вырастет выплыть и выходит ли вообще, никому не известно.

И вот первый, так долго ожидаемый туман на Оке! Схватили аппаратуру, дрожа от предупредившего холода, друзья бросились к реке.

Юноши начали съемку с бакеном, привязанным скаковьи сорту музы. Но то, что видят глаза, не всегда может заменяться объективом: огненный бакен оказался недостаточно ярким. Попытка пойти на хитрость — подсветить его сильной электролампой. При этом не обошлось без прискорбного: движки опрокинулись, и одна из ламп вышла из колодки. Но на конец бакен «загорел». Это была большая победа: утренний туман со всеми его живописными эффектами был «съхачен» объективом.

Два с половиной месяца прожили в Тарусе выпускники-тикоши. Глубокой осенью, когда подошли беспрерывные дожди и небо прочь но затянулось облаками, студенты взяли свои ржавые на пачки и, прозевавшие дружинами школьниками, отправились в Москву...

В Институте кинематографии есть комната, на двери которой висит досочка с надписью: «Монтажная». Почти всю зиму там работал Аскат и Олег. Продолжая Сокровища, они сняли на смартфоном стеклом, или кадр за кадром просмотревши заснятую ленту: в фильме не должно быть ничего лишнего, затягивающего действие. Для этого и существует искусство монтажа, владеть которым для режиссера и оператора не менее важно, чем уметь выбирать хороший объект или найти удачное ослаждение.

Иногда между юношами возникали горячие споры: ведь каждый кадр, назначенный к сокращению, приходилось вырезать с помощью ножниц.

— Как хочешь, Виктор, а дождь придется выкинуть, — утверждал Аскат. — Показали «зано грозы, первые потоки ливня — и хватит.

— Слушай, это же такой дождь! — жалобно протестовал Олег. — Каждая капелька играет!

Ничего не поделаешь, Олег! Аскат, присев на краю кресла, дождался, пока дождь прекратится, и скривив лицо, спросил: «Виктор, сколько тебе сейчас?

После монтажа приступили к озвучиванию фильма. Под руками у профессора Кулешова были отобраны и смонтированы отрывки из произведений Чайковского, Скрябина... Самым трудным моментом явилась запись песни, которую поют пионеры на борту отывающего парохода. Приходилось «вспомогать» эту песню под ранее заснятые кадры. Ведь если дождь не прекратится, то с артикуляцией позиций, а это сделать не так просто! Иной раз в песне звучит «», а рты у ребят явно раскрыты для широкого «».

Нелегкая это работа!

Но вот, наконец, все готово. Наступает час, когда в большом промтографом зале института собираются члены комиссии поэкзаменовавшие выпускников. Гаснет свет, и перед глазами комиссии проходят кадры дипломного фильма, в который три молодых специалиста вложили все накопленные в институте знания: весь свой залдор, всю влюбленность в избранную им профессию...

Фильм получил высокую оценку экзаменационной комиссии. Этот документальный рассказ о родной жизни студента демонстрировался на прошедшем недавно кинофестивале в Каннах и после этого был показан на Парижском институте кинематографии.

В. СТРУЕВ,
Г. СИНЕЛЬНИКОВ

Кадры из дипломного фильма «На Оке».

Рекордные рекорды

Говоря откровенно, Владимир Куд не ожидал того, что произошло — на лондонском стадионе «Уайт-харт» в последний день легкоатлетического матча СССР — Англия. Владимиру казалось, что он наверняка побьет же уже установленный мировой рекорд в беге на 5 000 метров. Но неожиданно на самом финишне англичанин Чаттауз на какую-то сотню долю секунды раньше его коснулся финишной линии. Этот результат в спорте всегда засчитывается: бегуны показали «единаковую» премию — 13 минут 51,6 секунды. Но побеждает с ней и новый мировой рекорд присуждан англичанину.

Впервые Владимир Кукастенялся с Чатуяевым на первенстве Европы в шведском городе Берне. Сразу же после старта Кук вырвался вперед и повел бег в очень высоком темпе. Чатуяев не ожидал этого. Кто же так начинает бег на 5000 метров? При этом темпе бегущий быстро выдохнулся, и на второй половине дистанции его легко будет обогнать. Англичанин знал, что именно на финише выигрывают бег у Чатуяева чешский спортсмен Эмиль Затопек в Бухаресте и венгер Юзеф Ковач в Будапеште.

— Но на этот раз обстоятельства изменились. Мощными рыжими Кук уходил все дальше и дальше. Темпера бежал советского спортаста было настолько высок, что его не выдержали венти Ковач и немецкий Чатадж. Они сошли с дистанции. Чатадж направлял последнюю силу. Ему удалось обойти Эмилия Затопека, но больше никто не смог. На финишной антлачии был вторым, отстав от советского бегуна на семьдесят метров.

Когда репордукторы объявили, что Владимир Кун установил новый мировой рекорд, Чатаян пояснял, что борьба в Лондоне предстоит нелегкая. Он увидел, как опасно отрываться от этого белокурого русского парня, который опрокинул все представления о тактике бега на пять тысяч метров.

— Видимо, урок, полученный в Берне, не прошел даром. В Лондоне Чатуай построил свой бег изнач... Состав он пошел следом за Куземом. На стадионе наступила тишина, было темно, только для зрителей прозвучала песня на кордонах, сопровождалась спортивным Кучка. Далекий броулз, проходя в высоком темпе 200—300 метров, надеясь оторваться от своего соперника. Чатуай, стиснув языки, из последних сил ускорил бег и занял «седи» на финиш.

Кун увеличил темп бега. Бираж, «последняя прямая». Видна уже ленточка финишна. И вдруг откуда-то из-за спины вырвался Чатауз. Закошмив бег, он, обессиленный, упал на руки своих товарищей. «Спасибо Кутшу!» — первое, что сказал Чатауз, когда его унесли с белогой дорожки. Ему было за что благодарить Кутса: иначе не было рекорда...

Это был третий случай, когда Владимир благодаря зарубежные спортсмены. В 1953 году в Бухаресте он на своих плачевной «привез» к победе Эмилу Затопеку. Тогда Затопек сказал, что золотая медаль принадлежит Купу. Затем та же картина повторилась в Будапеште, когда Ковач на последних метрах вырвал у Купы

Приятельства — спортивного притяжения. Но победителями оставались другие, а не он. Неужели его тактика бежать не на выигрыш, а на высокий результат ошибочна? Но ведь в Берлине, где на белогумную дорожку вышли сильнейшие бегуны Европы, эта тактика привнесла ему успех. И в Берлине, и в Праге на мировое достижение. Значит, если бежать еще быстрее, то заранее намеченному графику можно побить и новый рекорд. Чатуэд, Владимир Кубы был уверен, что отберет этот рекорд. На лондонской стадионе сразу же занял первое место, перебегая финишную линию через десять дней в Праге на матче легкого боя СССР — Чехословакия побил рекорд английского спорта... Самолет подлетал к Праге. Под крылом проплывали поросшие лесом горы, раскинувшиеся как островки в бескрайнем океане липких и проселочных дорог, покатывающиеся склоны поля.

Было пасмурно. С запада ползли тяжелые серые тучи. Из слов Владимира знал, что в Праге прошли дожди и погода не улучшается. Значит, бежать будет трудно. Но легкоатлетический матч ССР—Чехословакия должен состояться независимо от погоды.

На аэродроме ждали советских спортсменов. Владимир Кущ вышел из самолета, задержался на лестнице, отыскавши кого-то глазами, и, вдруг зарыдался. К нему подошла Эмilia Затопек. Высокой худощавой, плывущей в спортивном костюме, он выделялся среди сидевших бравшихся. Кущ и Затопек встретились как старые друзья. Затопек подхватил под руку своего русского товарища, сейчас же спросил:

мягкий...
— И все-таки я буду бить!..
...Стадион Армии, где происходят соревнования, заполнен до отказа. Люди сидят в проходах и на самой бровке. Сейчас начнется интересный бег — на 5000 метров.

Среди участников Куц и Затопек
Оба волнуются.

Рекордсмен мира Владимир Куз на дистанции

ФОТО А. ВОЧИННИКА

Пройдено еще три круга. Теперь разрыв увеличился на 150 метров. На трибунах гул и волнение. Всем ясно: победителем будет Владимир Куч. Зрители все чаще и чаще начинают скандировать:

«Куди! Куди!»
Последний круг. Откуда только берутся силы? Владимир делает решительный бросок и выходит на финишную прямую. Как стремителен его бег! В этот последний бросок он вложил всего себя, всю силу и энергию.

И вот наконец ленточка трепещет на груди Куца. Со всех сторон его окружают фотокорреспонденты и товарищи. Чуть согнувшись, он медленно идет по дорожке, успокаивая дыхание.

Стадион гремит. Кто слышит, как десятки тысяч людей скандируют его имя. Сжав руки и подняв их над головой, Владимир с усталой, но счастливой улыбкой отвечает на приветствия.

А вот наконец и объявляют результат победителя: 13 минут 51,2 секунды. Это новый мировой рекорд. Снова в рукоплесканиях дрогнул стадион.

Чатауэй». Это было последнее международное соревнование 1954 года, в котором участвовал Владимир

Куп...
П.

Прошла зима. Для Куды она была не совсем обычной. В любую погоду он выходил на тренировки в Измайловский парк культуры и отдыха. Там он играл в хоккей и лыжи, в том числе и тобoggаны. Он знал, что летом же настругают. Ответственные соревнования, поездка на фестиваль в Варшаву, где на беловодскую дорожку выйдут сильнейшие бегуны, дадут еще больше окрепнет дружба молодых спортсменов всего мира.

И. ФОМИН

Опасный маршрут

Василий АРДАМАТСКИЙ

Повесть

(Продолжение. См. №№ 11, 12)

Во время Великой Отечественной войны Григорий Окаевов, изменив Родине, перешел на сторону врага. После разгрома гитлеровской Германии Окаевова прибрала к рукам американская разведка. Он заканчивал школу шпионажа и диверсий. Спустя несколько лет Окаевова забрасывают на территорию СССР. Он пренесен с парашютом в Лесном районе обойден большим количеством советских пограничников и армии — американской разведкой научно-исследовательским институтом, руководимым профессором Вельским.

Боспользовавшись доверием профессора мотоциклиста, Окаевов выбирался из Лесного района, а затем, убив мотоциклиста, на его машине приезжал в город, где рассчитывал укрыться в доме своей давней знакомой. В это время в лесу, где приземлился диверсант, уже ведется поиск...

4

Поиск в «Черном бору», начавшийся утром, продолжалась весь день. Впереди медленно двигались прибывающие из города проводники с собаками. За ними шершавый, растянутый на километр, шел более ста человек. Руководивший группой старший лейтенант Гончаров вспомнил первую встречу. Долго лищил голову, чтобы не сказать, что поиск ведется небрежно и только потому что для целей день не достигнуто никакого результата. Гончаров злился. Был он чекистом молодым и еще не успел вырасти в себе хотя бы внешнюю выдержанку.

Первым заметил подозрительное местный учитель, участвовавший в поиске. Он подозвал Гончарова и показал на вершины высокой осины, где виднелись сломанные сучья с еще не покуренной листицей.

— Пойдемте, по цене — остановиться! — крикнул Гончаров.

Одна из собак зарычала, остановившись на краю поля.

Это была та самая яма, некогда вырытая охотниками на волков, в которую после привлечения свалился Окаевов.

Гончаров сделал несколько снимков местности.

Затем фотографировал видневшиеся на дне ямы следы и осторожно спустился в нее. Земля под ногами была сухой, но хрупкой. Гончаров, копнув посоком самого земли и сразу увидев белый шелк паутины, отступил к яму. Больные Гончаров ничего найти тут не мог, только жаба под устами все кидалась на стекло ямы и скользила под ноги.

Гончаров выбрался из ямы и приказал проводникам искать следы. Собаки заметились по лесной чаще, но, покружившись, снова и снова возвращались к тому месту, где только что было найдено паутино: след отмывать ее не удалось. Вскоре к Гончарову подошел один из проводников и молча подал плоский металлический фланк.

Хорошо... — машинально произнес Гончаров, кладя фланк в карман. Он в эту минуту уже думал о том, что совсем недавно самой большой радостью казалось ему обнаружить место приземления диверсанта, но вот это место найдено. А самое важное и самое трудное — поиск потайной базы врага — впереди. Попробуй, найди! се! По опыту Гончаров предполагал, что база находится не меньше чем в десяти — пятнадцати километрах от места высадки. Но где, в каком направлении?

Гончаров решил, что придется отряд на четыре группы, которые должны были двигаться из отряда в различных направлениях. И только тут он заметил, что начало быстро темнеть. Вести поиски можно было смысла. Приказав людям расположаться на ночлег, Гончаров взял паутино и направился к лесной дороге, где его ожидала машина. Он решил попытаться с Потаповым, который должен был находиться на ближайшей от базы станции... «Лесина».

Потапова на станции не оказалось. Дежурный там сотрудник оперативной группы сказал, что весь поезд уехал в город: нужно было этот поезд обследовать. К утру он обещал вернуться.

Маленькая, глухая станция казалась совер-

шенно бесподобной. Гончаров вместе с сотрудником вошел в зал для пассажиров.

Ну и глупы, точно вымерли все! — промолвил Гончаров, сядясь на жесткий диван.

— Да тут за сутки всего один поезд проходит! — ответил сотрудник. — Это же дорога не сквозная, ветки к лесовозному — и все. Ну, а как ваши дела?

— Место приземления нашли, теперь предстоит найти итогу в стоге сена.

— Найдем! — Шапками закидаем! — разозлился Гончаров.

Сотрудник промолчал и через минуту вышел на перрон.

В это время Потапов входил в кабинет полковника Астапова.

— Докладывайте: поезд обследован тщательно. Ничего...

— Ничего не нашли, эх... — перебил его Астапов. — И не могли найти. Интересующаяся на личность уже в городе. Вот, читайте...

Потапов прочитал запись двух телефонограмм. В одной сообщалось, что на окраине города было сбито первоначальное отключение, обусловленное попаданием в зону охотники из лесной марки. В другой говорилось, что в автокатастрофе от Островского хлебозаводской пастух обнаружены в лесу под мостом труп молодого человека, который оказался трактористом из Понизовки.

— Я уже говорил с Понизовским, — продолжал Астапов. — Тракторист Сергей Любченко на рассвете выехал в Островск на собственным мотоцикле из киевского завода. Попчась назад вернулся из Островска люди, которые я туда послал. Их спутником оказался Любченко. Любченко убыл вместе с пастухом. Пастух слышал шум мотоцикла, а выстрела не слыхал. В общем, ясно: прибыл враг сильно и хорошо оснащеный. И не случайно пригнал он под воскресенье — расчет на то, что мы в этот день не работаем. Он поставил перед собой задачу: любым способом в течение этого дня добираться до города, где ему скрыться легче: ведь город-то большой. Задачу свою он успешно решил. Чем что у Гончарова?

— Не знаю. Я его не видел.

— Пожалуйста сейчас же в Лесное, найдите Гончарова, пусть продолжает поиск и дай разу в сутки звонят мне. Поглядите, как он там все организовал, и возвращайтесь. Я жду вас не позднее десяти часов утра...

5

Окаевов остановился возле маленького дома на окраинной улочке. Осмотревшись по сторонам, он вошел к воротам и взялся за юблю перекинувшейся крыльтины, над которой висел номерной знак: «Первомайская ул., д. № 6, А. П. Гурко».

Хозяйка дома Алания Петровна Гурко удивленно смотрела на вошедшего в дверь незнакомца.

Окаевов перенес ногу и остановился, с улыбкой смотря на Аланию Петровну.

— Ну, уместен?

— Простите... Нет, — расстроило произнесла она.

— Окаевов. Григорий Максимович Окаевов.

— Григорий Максимович! — воскликнула Алания Петровна и, точно испугавшись произнесенных слов, зажала рот рукой.

— Я, я, Алания Петровна, я, собственно персоной! — добродушно рассмеялся Окаевов.

Алания Петровна подошла к нему ближе.

— Не может быть... — промолвила она, и вдруг глаза ее округлились, она застонала и уткнулась лицом в плечо нежданного гостя.

Окаевов прекрасно знал, почему Алания Петровна плачет, и терпеливо ждал, когда она успокоится.

И вот они сидят за столом друг против друга, и Алания Петровна не споделить с Окаевовым восторженных и будто еще не верящих глаз.

— Гляжу, гляжу на вас, Григорий Максимович и все понять не могу: во сне это происходит или наяву?

— Нет, нет, Алания Петровна, я не привидение.

— Поймите меня: мой Саня писал с фронта, что вы с ним в одной части, а через месяц сообщили: Окаевов погиб при отступлении. Больше писем от него не было... — Готовая заплакать, Алания Петровна поднесла к глазам платок.

— Война, Алания Петровна, война... Лучшие сыны народа погибли первыми. Самей вы можете гордиться. О его храбрости говорил весь батальон. Его любили и кто знает, никогда не забудут.

— Сандя, родной... — сказала слезы бороздили лицо она. — Сандя слово о Санде — моя единственная утка. А как же это вы?

— Как я вспоме... — помог ей Окаевов. — Довольно обычная история. Тогда, в августе, был тяжелый ранен. Фронт откатился на восток. Меня подобрали и спрятали колхозники. Они меня и выхолили. Потом — партизанский отряд. От партизан — снова в армию и с ней — поход до Берлина. А там на колонне

репортажа рядом со своей фамилией и написал к ним защищавшего его Саня: «Сержант Александр Гурко».

Но глаза Алании Петровны снова завернулись слезами.

— Не обижайтесь на меня, дуру. Можно мне вас поцеловать? — Алания Петровна посыпалась обняла Окаевова и поцеловала в лоб. — Я ведь думала, что о Сане одна я помимо...

— Как вам не стыдно? — Окаевов выжал приличествующую моменту паузу... — Ну вот... А знаете, кому я стыд? Книги пишу. Писатель.

— Книгу? Да что там? Книга же это... — Вздохнула Алания Петровна. — Я никогда сделала писательницу. Мы спокойно пережили там... Молчали вспоминая. Народ дознался этого, чего стоит нам напомнить. А книгу, над которой я сейчас начала работать, я хочу посвятить светлой памяти вашего Саня.

— Я прямо не знаю, что сказать вам...—
Адалья Петровна засмеялась от волнения.
Я мать, потерявшая единственного сына. И вы
такой человек... Такой человек...

— Да оставьте вы, ей-богу! Я самый обыкновенный человек, который не забывает до-
рогих и близких ему людей. И все.

— Спасибо, родной. Спасибо от матери.
Вы где же остановились? Небось, в гостинице?

— Нет. И как раз я хотела спросить вас: не
можете ли вы привезти меня на недельку?

— Как вы можете сомневаться?

— Я не хочу жить в гостинице. Мне нужен
тихий и скромный угол, чтобы спокойно пора-
ботать.

Мой доник Григорий Максимович, в ван-
шем распоряжении.

— А вы расскажете мне о Саше. Я ведь его
детства совсем не знаю. Когда до войны бывал
у вас, бегал тут пот таек... с белыми вих-
рами. И все.

— Да, бегал...— Адалья Петровна всхли-
пнула. И вот его...

— Ну, Адалья Петровна, он есть.. Он
будет жить в моей книге. Герои не умирают
никогда!

— Я все-всё расскажу о нем. Он ведь я и а-
детье было удивительным мальчиком. Когда
умер мой муж, вы в нашем городе уже не
живли?

— Я уехала раньше.

— Саша остался без отца пятнадцать лет.
Мы вернулись с кладбища, а он говорит мне:
«Мама, я возвращусь, теперь о тебе буду за-
ботиться, я, все будет хорошо, вот уви-
дишь». Я ему сказала...

— Адалья Петровна,— осторожно перебил
Окремов,— вы все это расскажете мне по-
следовательно. Мы посыпим этому все вчера.
Идет?

— Хорошо, хорошо... Боже мой, что же это
я не спрошу вас, вы, небось, с дороги не ку-
шили?

— Не откажусь, Адалья Петровна...
— Я сейчас, сейчас...

— Дайте мне пока почтить фронтовые
письма Сани. Можно?

— Конечно! Они вот здесь... Адалья Пет-
ровна поставила на стол деревянную шка-
тулку и ушла на кухню.

Окремов открыл шкатулку. Сверху в ней
лежали паспорт и пенсионная книжка хозяйки
дома. Он быстро просмотрел их и с удовле-
тврением отметил, что паспортные данные в пас-
порте были точно так же, как и в его пас-
портах, изготовленных в Москве. «Всеитет
прекрасно,— думал он.— И главное, я не пер-
вое время уже имею надежную крышу»...

Когда Адалья Петровна вернулась, Оке-
мов читал санины письма...

6

На столе была разостланая большая карта
города и его окрестностей. Косой луч раннего
солнца падал на карту и, отражаясь от ее
гладкой поверхности, смыл глаза склонив-
шимся над картой Астагновом и Потаповым.

Астагнов покривлялся и потянул пальцами
уставшие глаза:

— К сожалению, карта не отстает, зечем он
сюда прибыл. И чем больше я смотрю на нее, тем
больше вижу объектов, которые могут его
интересовать. Зачем он прибыл? Этот вопрос
определяет всю суть первого этапа нашей ра-
боты.

— Но возможно, нам город — всего лишь
обманчивый мираж? — предположил Потапов.

— Не думаю,— помахал руками Астаг-
нов.— Раз уж они решились сбрасывать его
так далеко от границы, им незачем было
рисковать только ради того, чтобы нас обман-
уть. И расчет, по-моему, таков: высадка в глубине нашей территории с целью многочис-
ленного приближения к объекту или к большому
городу, где легче спрятаться перед следованием,
или обмануть на склоне горы. И первое, что
они прибрали к рукам, — это городок Белебей. Потапов, что институт Вольского находится
в нашем городе, а это для них очень заманчи-
тельный объект. Значит, институт Вольского...
Астагнов снял карандаш нарисовал на карте
круг, обнявший несколько кварталов
города.— Это зона деятельности вашей опе-
ративной группы. Но не забудем и другие

объекты...— Астагнов сделал на карте еще несколько кругов.— Железнодорожный узел.
Военный аэродром. Артил-
лерийский полигон... Здесь будут рабочие, рабочие группы. Институт Вольского это глав-
ное. Убеждена. Организуйте са-
мое тщательное наблюдение за институтом и его загородным
филиалом. Проведите беседы с людьми Вольского: с его ше-
фом, секретарем — все долж-
ны быть начеку. Осмотрите да-
чу профессора. Установите и
там наблюдение. Поговорите с
сами Вольским, он должен
быть осведомлен о возникшей
угрозе...

Узнав, что Вольский привез-
жает в институт к одиннадцати часам.
Потапов решил повы-
деть его тотчас же. Дача Воль-
ского находилась на краю по-
селка. Прямо за воротами на-
чинался склон горы. Дача
была обнесена высоким забо-
ром, по верху которого тяну-
лась колючая проволока; это
понравилось Потапову. Но со-
всем ему не понравилось, что
калитка дачи оказалась распах-
нутой настежь. Потапов прошел
через весь сад до площадки
перед домом и здесь увидел
Сергея Дмитриевича. Профес-
сор умел сидеть на двух-
колесном велосипеде. Он бегал
вслед за вихривающимся велоси-
педом, что-то кричал, громко
хохотал. Потапов на минуту
притянулся за кустом сирени.
Ему не хотелось мешать про-
фессору. «Моему еще и трехло-
жеский под силу», — подумал
Потапов о своем сыне и, точно
уставший от этой посторонней
мысли, решительно вышел из-
за куста.

— Ты действий смелей! Вот
так! — профессор поставил ногу
на педаль велосипеда и хо-
тел уже оттолкнуться, но в
это время увидел Потапова.—
Вы ко мне?

— Да, профессор. Извините
меня, но разговор скромный...

Вольский удивленно посмотрел
на Потапова и поклонился:

— Ну что же, продолжите, я
только вымлю руки.

Потапов поднялся на веранду.
В это время сынок профессора про-
мчался на велосипеде мимо веранды и через
открытую калитку выехал на улицу. Вымы-
блонк, Потапов записал: «Калитка. Маль-
чик».

— Я спущу вас — профессор Вольский
стоит в дверях, преградив проходящего Потапова.— Мы можем разговор
продолжить, — сказал он.

Они сели за круглый столик. Потапов пред-
стался, Вольский удивленно поднял брови.

— Возникла необходимость, Сергей Дмит-
риевич, немедленно усиливать вашу охрану, —
сухо сказал Потапов.

— По-моему, институт охраняется доста-
точно хорошо.

Речь идет о вашей лично охране. Если
бы вы были вне того огороживания, мы не позво-
лили бы себе вас беспокоить. — Потапов не-
много седял, что профессор слушает его
подчеркнуто равнодушно.

— Ну хорошо, я слушаю вас, — уже чуть
любезней сказал Вольский.

— Мы должны заговоренно знать о
всех ваших передвижениях в течение дня.
Пусть об этом звонят ваши секретари. Это
первое. Затем мы просим вас на этот период
немного ограничить свою общность с посто-
ронними людьми.

Вольский замяукнул:

— Хорошо. Еще что?

— Пока все, Сергей Дмитриевич.

— И как долго будет длиться этот ваш...

— Точно не знаю.

— Черт побери! — вскрикне вырвалось у
Вольского.

Потапов рассмеялся:

— Не надо было вам делать открытый, ко-
торые так беспокоят некоторых господ.

— Ладно, поднимайся. Чью хотите?

— Свадебную. — Потапов сидел с веранды и
обернулся. — Молодые парни, ваши малых
выехали на улицу. Лучше бы его туда не
пушкали. И калитку запирать.

Вольский промолчал.

Потапов возвращался в город. Из кабин
он наблюдал пеструю картину дачного приго-
риода. Мельнули прыгающие у сеток волей-
болисты, дамы в пестром калате с полотенцем
на плечах, велосипедист, строй пионеров перед
матчей с флагом, девушка и юноша
на крыльце...

Потапов все это видел, но в его могут не-
стуенно и тревожно бились одни мысли: где
сейчас тот, пока незадом ему человек, кото-
рого он обязан найти?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Профессор Вольский проводил депутатский
прием в помещении горисполкома. Пришедшие
к нему посетители сидели в коридоре и вели
неторопливый разговор о своих делах.

Первым сидел у двери Окремов, рядом с

ним — вожжала женщина с орденом «Знак Почета». Она и дело посматривала на гущные чешуйчатые захвата: уже давно в кабинет депутата залез алый, седельный старичок, заламывая очередь перед Окаемовым, и вот все не выходят.

Что-то дедушка застял там!..

— Наверное, просяла у него больная или жалободательницу, — отозвалась соседка Окаемова. — А наш депутат такой — пока до правды не доходит, не отпустит. У меня на что узловый вопрос был, сам прокурор города допустил несправедливость, так депутат прокурора поправил. Сленинко присягу спасли ему... Хоть и не знал, что это доказуешь.

— И я к нему второй раз шла, — включилась в разговор юноша в красной футболке. — Он написал обо мне бумагу в министерство, а там ноль внимания.

— Ох, он любит он этого! — воскликнула женщина.

Дверь распахнулась, в коридор вышел привозимый Вольским седельный старичок.

— Пожалуйста, следующий, — обратился Вольский к очреди.

И вот он склонил друг против друга: Вольский и тот, кто его учительствует. Но нет, делать это сегодня Окаемов не собирался, он пришел сюда по другому поводу...

Окаемову нужно было луком привезти к институту Водолюбову и к его руководителю. Разумевая, что Вольский регулярно проводит лептушки приемы, Окаемов решил прежде всего использовать эту возможность. Он рассчитывал во время приема выкрыть депутатский бланк профессора или добиться, чтобы Вольский написал на бланке какую-нибудь записку. Словом, измененной бланк Вольского, его личная папка, его погорел Окаемову очень могли пригодиться.

Водолюбов извлек ее перед Окаемовым и на бровь телефонной нотки:

— Здравствуйте, горбосенс! С вами говорит депутат Верховного Совета Вольский... Здравствуйте. Сейчас к вам с моей запиской придет персональный пенсионер товарищ Сугробов. (Окаемов отметил про себя «ес моя записка»). Примите его, пожалуйста, без очереди и внимательно выслушайте. Ну вот и хорошо. До свидания... Вольский положил трубку и повернулся к Окаемову: — Слушаю вас, товарищ...

Иди на прием к Вольскому, — сказал член мельчайших депутатов, думая, как же будет и кому говорить. — Решай, по возможности не называть своей фамилии, но на случай, если это придется сделать, он по старым грамматам узнает охоту, где болтались раньше Вольский, и там в списке живых одного из домов выбирал себе простую фамилию — Егоров и запомнил адрес этого Егорова. Повод для посещения депутата Окаемов придумал твой, который не мог бы вызвать никаких подозрений...

Положка руки на стол и рассматривая их, Окаемов заговорил со сдержанным волнением и подкапывающей искренностью:

— Я человек маленький. Всего-навсего бухгалтер в промартели. Но у маленьких человек могут быть большие заслуги. Все-таки членом парламента называли, потому что следил за денежками. Отчетность у нас в артели, сами знаете, не очень строгая... Так я решил там по одной статье пятьдесят рублей и взял себе. А потом увидел, что так можно брать еще пятьдесят, потом еще... Семья у меня немалая — восемь душ. Лада машина мелкая. Старший в этом году пойдет в десятый класс. Мишкой его зовут. И вот с ним-то и произошла вся драма... Окаемов вздохнул и продолжал: — В семье заметили, что стал я приносить деньги, кроме зарплаты. И вот однажды жена пристала ко мне и ножом к горлу: откуда она знает, что я тебе? — А Мишка этот разговор случайно услышал. Вскоре он словил меня с глазу на глаз и говорит: «Я комсомолец и не жаден, чтобы отец у меня был вор. Одно из двух: или ты пойдешь куда следят и все расскажешь, или я уйду из дома...» Да, легко ему сказать, а каково мне это сделать? Это же означает суд и тюрьма, а семья остается без кормильца. В общем, сын на прошлой неделе ушел и живет у товарища. Говорят, ищет работу. Я пришел к вам, Сергей Дмитриевич, просить совета. Как мне быть?..

Вольский слушал Окаемова несколько раз терпя: вперемежку к нему пришел набиратель с таким неожиданным звоном. Вольский совершенно не представлял, как можно помочь этому человеку.

— Право, не знаю, что вам посоветовать, — сказал депутат. — Я понимаю вашего сына и вас. То есть я, конечно, не опправдываю вас. Словом, вы понимаете меня.

— Я и сам знаю, что виноват, — вставил Окаемов, — и знаю, что никакими мне не избежать. Не ссыпайтесь на ребят.

— Вот-то именно это! — Вольский полумал в спросил: — Много я вам... заработал?

— Много не много, в тысячи три перепало.

— А если вы эти деньги внесете одновременно с заявлением в прокуратуру?

— Вы думаете? — Окаемов в упор смотрел на Вольского с таким выражением лица, будто он направлено обдумывал это предложение депутату.

— По-моему, это единственный выход. И тогда смогут вам помочь и я. Позову прокурору, который согласится к этому депутату. Ведь в законе ни одна из семи... может не подумать о вашей семье...

— Это же сделаете? Правда?

— Да. Твое обещаю вам.

Окаемов покивал.

— Сергей Дмитриевич! — глаза его стали влажными. — Огромное вам спасибо. Я еще зайду к вам, как сделаю все по вашему совету. Можно?

— Обязательно. Я прямо и при вас позвоню кому надо.

До свидания, — Сергей Дмитриевич. — Окаемов проводил к двери и встал у окна. — Чуть не забыл. Тут такая еще бела: ушел-то я к вам в рабочее время, могут в артели шум поднять. Не дадите мне записочку, что я был у вас на приеме? Очень прошу вас...

— Это можно, — Вольский прикрыл к себе депутатский блокнот и задумался, как писать — Кому же писать? Директору?

— Да. Директору промартели металлоизделий.

— Так. — Директору промартели... металлоизделий, — повторяя вслух Вольский, надписал адрес.

— А знаете, почему я решил идти именно к вам? Вольский открыл глаза, чтобы видеть Окаемова. — Вспомнили, как я, вы, спустя неделю избирательных (он и это вычитал в старых газетах), сказали, что у депутатов не может быть дел больших и малых, все больше!

— Ерунда! — заторопился прозаранс Вольский и положил ручку на стол. — Я этого никогда не говорил!

— Как же говорили? Что вы, Сергей Дмитриевич? — Окаемов улыбался, но в выражении его лица Вольский заметил испуг.

— Да тот же, — сказал и в это. Это в газете придумали. Я говорил спасибо, другое, что избиратель не может быть избранен избирателем из любой больших и маленьких. Людей, понимаете? — Вольский развелся, вспомнив эту неизгладимую историю. — Редактор обещал поместить публику и не поместил. Вольскому вдруг и этот посетитель показался членом неизбранным, а его дело какой-то до стоящего! — Вот так. И если у вас там в артели заговорят по поводу вашей отлучки, скажи все, что надо. Писать не обязательно.

— Хорошо, хорошо, — послышался согласия Окаемова.

Окаемов вошел в кабинет злой и расстроенный. Наг сюда, он предусмотрел многое, но никак не ожидал, что его папа сорвется из-за недобросовестной работы какого-то газетного репортера. Он успокоился и утешал себя тем, что все же польза от этого визита есть: он повидал человека, ради которого сюда пошел, узнал его внешность, характер — это ведь тоже пригодится.

Окаемов вышел на улицу. Подъезд, скрытый на солнце лаком, стоял темночный «ЗИМ».

«Наверное, его машина», — решил Окаемов, — надо проверить...

— Дорогой товарищ, — обратился Окаемов к шоферу, — вы случайно с нашим депутатом едите?

— А что такое? — насторожился шофер.

— Да вот был сейчас у него на приеме. Горе у меня: сына я потерял. Всегда мне депу-

тат в субботу заявление принести. То, что Вольский и что Сергей, это помню, а как по блату написать, не знаю.

— Дмитриевич...

— Вот спасибо, дорогой. Ну да, Дмитриевич. Как выбрал его, помнил, а тут враз вылетело.

— Бывает...

«Значит, машина его», — думал Окаемов, медленно идя по улице. — Номер десять сорок семь... десять сорок сокор. Водитель лет тридцать. У правого глаза маленький шрам. На разговор идет...

Потапов устроил из виду депутатские при-емы Вольского и теперь торопился в зоровет, чтобы посмотреть, в какой обстановке они проходят и не может ли здесь оказаться удобной лазейки для врага.

— Товарищ начальник, — сказал Потапов устремив взгляд на машину шофер Вольского.

— А! Товарищ Ильин? — Потапов зернулся к машине. — Здравствуйте. Чего нового?

— Вот вы сооревтались быть начальку... Так сейчас подходят к мне граждане, интересовались отчеством профессора. Сказали, что был у него на приеме наставник пропавшего сына и что ему надо заявление профессору писать.

— Это было давно?

— Ну, минут пять, как ушел.

— Куда ушел?

— В ту сторону. Откуда вышли.

— А как выглядели?

— Да там... ничего особенного. В сером костюме, брюки заправлены в сапоги.

— Так... — Выработавший в себе привычку запоминать все, что попадается ему на глаза, Потапов вспомнил, как на перекрестье с улицей, Потапов поднял пытавшимся на него взглядом. Был это человек в сапогах, Вольский нахмурился.

— Ну, а вы что будете просить?

— Все то же, Сергей Дмитриевич, — улыбнулся Потапов, — настороженности.

— Может, поставим сюда часового с винтовкой?

— Пустяк часовый этот будет у вас внутри, — сказала Потапов и, помочив, спросила:

— Потом часовой этот будет у вас внутри, — сказал Потапов и, помочив, спросил: — Вольский оставил?

— Ну, а что будете просить?

— Да так... пустяк, он высунул из-под кресла, как зовут вас отчеству.

— Странно... Здесь он все время обращался ко мне по имени и отчеству.

— Он был в сером костюме и в сапогах? — быстро спросил Потапов.

— Да.

— Ваш избиратель?

— Да. Бухгалтер из промартели, — улыбнулся Вольский, заглянув в блокнот, — из промартели металлоизделий.

— А как его фамилия?

— Фамилия? — Он назвал, не успел написать ему записку...

— Какую записку?

— Нечто вроде справки о том, что он был у меня на приеме в рабочее время. Но я передумал и записку не дал.

— Почем же вы передумали?

— Да так. Разозлился... совсем по другому поводу.

— Можно узнать, по какому?

— Вольский рассердился:

— Это не имеет никакого отношения к тому, чем занимается вы!

2

Адalia Петровна встретила Окаемова неожиданной и страннойностью:

— Всегда та же час человек дожидался. Окаемов замер, потом медленно повернулся к холмике. Выражение его лица было таким, что она растерялась.

— Не беспокойтесь, дорогой Григорий Максимович,— залепестала она.— Он у вас много времени не отнимет. Это наш сосед. Тут у вас всем виноват. Нечаянно сказала ему, что вы пишете. Он хочет рассказать вам что-то очень важное...

Окакемов перенес дыхание, облизнув пересохшие губы.

Алания Петровна, — заговорил он хриплым голосом, — я бы просил вас, и самым решительным образом, не делать мне базарные рекламы. Я же по-русски говорил вам: мне такой угол для работы нужен. Иначе я бы остановился в гостинице. Ну как вы могли...

Окакемов прервал решительный стук в дверь.

— Это он, — шепотом произнесла Алания Петровна.— Григорий Максимович, родной мой,.ru, ругайте меня, старую дуру. Но не гнать же вас! Сосед. Поговорите с ним нескользко минут...

Дверь открылась, и в комнату вошел смуглый мужчина лет пятидесяти с желтыми обукинными усами.

— Добро пожаловать! — сказал он сам себе и перекрестился на Окакемова.— Извините, конечно, но не знаю, как вас звать-величище.

— Захолите, заходите! — Окакемов дружески взял его под руку и провел к столу.— Садитесь! — От приветствия пахнуло вином, и это несколько успокоило Окакемова. Алания Петровна на цыпочках вошла в комнату.

— Благодарю вас, — сказала же он ведала, как вас звать-величище? А я буду, значит, Горбальев. Кирьял Евгеньевич Горбальев. Соседом приложился козырь вашей Алания Петровне. А до вас дело имею. Можно сказать, секретное дело.

— Слушаю вас, товарищ Горбальев! — Окакемов пристально смотрел на гостя, думая: а вдруг этот человек подослан чекистами?

— Вы знаете, писатель и можете прописать в газете про наши безобразия.

— Извините, но это же безобразия! — механически спросил Окакемов.

— Какие? Очень простые. Товарищ писатель. Они хотят из пальца высасывать проценты и получать за это премиальные, а я им мешаю,

— Ничего не понимаю. Какие проценты? Кто они?

— Они, это значит, Пырыковы — директор нашей промстарты. А я вам опять же мастер. Так вот, значит, они же плаща не тянут. Тогда Пырыковы обидятся, если как наругут прошения за ничего, а превратят опять же плат и затраты премиальными. А я ему мешаю, поскольку я человек честный. Он привык меня обиживать: так, мол, и так, хороший ты мой, подпиши дурую рапортчику, и я тебя не забуду. Ну, а я...

— Поступайте, товарищ Горбальев. Я писатель. В газетах не сотрудничал, и такие факты меня совершенно не интересуют.

— Как же вы не интересуетесь? — Горбальев от удивления даже встал.— Тут же мы имеем чистое жулиничество, опять же за счет государства. А нам, значит, не интересно? Не побыву, как же это так?

— Очень просто. Я пишу про войну, и мне...

— А это разве опять же не война? Только тут враг, значит, внутренний. Моя задача — если вы разобрали, в чем тут суть? Так слушайте... Артель ее квартал, состояла доля трех тысяч двести штук жестянной посуды по четырем артикулям. Так! А дает, значит, от сорока до ста тысяч с хвостиком. А если взять и один артикул вынуть, вроде, значит, его и не было...

— Хватит, товарищ Горбальев! Мне это совершенно не интересно!

Из ладлоо — неожиданно согласился Горбальев.— Про блюны за кастрюли не интересно. Но он же решил сократить живого человека

века! Человека! Меня то есть? Раз я на его комбинацию не наступаю, значит, меня надо выплынуть на улицу, и дело с концом. Это вам тоже не интересно?

— Товарищ Горбальев! — Окакемов встал.— У меня нет времени слушать ваши истории. Понимаете? Нет времени. Прощу вас: оставьте меня в покое.

— Гоните, значит? — тоскливым голосом спросил Горбальев.

— Понимаете, как хотите. До свидания.

— Горбальев насъжден кему?

— Эх вы, писатели! Заодно с ворами! — Он машинально вышел, хлопнув дверью.

Окакемов с трудом подавил озлобление, вызванное этим дурманским вывитом, и задумался... Ненужный, бесполезный Кирьял Пырыков... артикулы... блюны... А заодно и вспомнился прият под крышей Алания Петровны первые дни нахождения. О существовании здесь писателя уже знает этот тип. Завтра он скажет еще кому-нибудь... Жаль, конечно, но рисковать нельзя надо уходить. Надо пробираться к базе, взять там все, что нужно, и сменить кожу. А, черт! И все испортила эта болтузкая баба... — снова Окакемов захлестнула злоба.

— Извините меня, Григорий Максимович, — в дверях появилась Алания Петровна.

— Что ж вас извинять? Может только еще раз напомнить о том же — не делать мне базарные рекламы! — еле сдерживая себя, сказала Окакемов.

— Никогда и никому! — торжественно произнесла Алания Петровна.

— Вот и прекрасно... — Окакемов посмотрел на часы.— Через час я уезжаю в Борск. На пару дней. Нужно погуздить там однолюдинчины. Вы уж, если можно, никому мой дыян не сдавайте.

— Ах, Григорий Максимович, зачем вы так говорите?

— Ну, хорошо, хорошо, мир! — Окакемов проступил хозяйке руку.— Извините, Алания Петровна, если я сторгчика сказала что-нибудь разное.

— Да из сиданья.

— Я буду ждать вас, Григорий Максимович.

Поскорее возвращаться.

— Во вторник к вечеру я вернусь...

Рисунки И. Гришина.

3
— Не знаю, что могут дать поиски этого бухгалтера. Но я все же выше предложение не отклоняю, — сказал полковник. — Сколько в городе артелей металловозки?

— Четыре, — ответил Потапов.
— Сколько времени займет проверка?
— Думаю, немногим...
— Гончаров звонил? Что у него?
— Ничего. Нервничает он, товарищ полковник.

— Я тоже нервничаю. Сколько народу участвует сейчас в поиске?

— Человек двадцать. Остальных пришлось отпустить под ложный сигнал с работы, думали, на два-три часа. Гончаров сказал, что в воскресенье днем отряды всех Великого множества не лежали в лесу живут.

— Но сам-то он спать не ложится...

— Я думаю, что он спать вообще не разучился, товарищ полковник.

— Ну хорошо. Действуйте...
Побывав в трех артелях, Потапов начал думать, что подковы Астанинов были прав, когда сомневался в необходимости разыска бухгалтера. В самом деле, на приеме у Вольского мог быть и подлинный бухгалтер, и если он этого бухгалтера обнаружит, это ровно ничего не значит, если в этом случае он не будет кто-то другой, то вряд ли его можно найти в артели. Только две детали в конце концов склонили Астанинова к решению пропустить приемы на пару дней. А что же если директор действительно укроется в артели? Если же ни в одной артели не окажется бухгалтера, который в минувший четверг был на приеме у Вольского, тогда можно сделать не очень твердое заключение, что на приеме у Вольского был тот, кого они ищут...

И вот Потапов еще в одной артели металловозки.

Он вошел в клетушку, на дверях которой висела табличка: «Лицер Г. Г. Пырыков». В большом цехе, в углу которого пристояла директрисская канцелярия, стоял такой гротеск, что Потапов не знал, как beste разогреть.

— Что у вас? — крикнул ему Пырыков.

Потапов молча протянул директору свое удостоверение. Пырыков судорожно глупил глаза и побледнел.

— Мне нужно поговорить с вашим бухгалтером, склонившись через дверь к самому лицу Пырыкова, сказал Потапов.

— Он сейчас на блюленте, — ссыпаясь голосом ответил Пырыков.

— Даешь?

— Третий день. Но я все понимаю. Возможно, что нам допущена ошибка. Мы...

— Даите мне его домашний адрес, — перебил директора Потапов.

— Сию минуту! — Пырыков схватил со стола тетрадку, но руки его так тряслись, что он не мог открыть нужную страницу. — Вот... Горная улица, дом двадцать. Проктор Анисимович Тюлев. — Пырыков встал. — Мне следовать за вами?

— Не надо. Сначала я поеду к товарищу Тюлеву, — смеясь улыбнувшись, сказал Потапов и быстро вышел.

Бухгалтер Тюлев, оказавшийся совершенно здоровою человеком, рассказал Потапову о темных делах директора артели и предупредил, что мастер Горбальев ходил куда-то жаловаться на директора. Именно поэтому Тюлев и решил «заболготеть», боясь, что Пырыков заставит его оформить незаконные документы, совершив подлог.

К кому ходил мастер Горбальев?

— Сказал, что пойдет к одному большому человеку.

— Горбальев сейчас в артели?

— Как в артели? Пырыков его уволил.

(Продолжение следует)

ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА «СМЕНЫ»

(См. №№ 1, 3, 5, 7, 9 и II журнала «Смены»)

ПРОКОММЕНТИРОВАННЫЕ ПАРТИИ

(в сокращенном виде)

№ 1

Белые — мастер Г. Лисицын.

Черные — мастер Г. Каспалин.

Играли в VII шахматном

чемпионате СССР в 1931 году

в Москве.

1. Кт3 Кt6 2. с4 e5 3. Кt3

Сe7 4. Cf3 0-0-0 5. g3 e6

6. Сd2 Сd5

Белые избрали дебют Рети

— началь, называемый

имени великого шахматиста

того же поколения гроссмейстера

(1889—1929 гг.). Черные же

разыграли вариантную

стороннюю защиту.

Последний ход черных не

занес в партию, но внес

в нее весомую опасность.

8. ...Кt5 9. Сb3

Белые избегают размена и хотят сохранить своего бело-
полярного слона для дальнейшего по большой диагонали. Но
этот план не сбывается, потому что слон черных на
весь весом опасен.

9. ...Кt5 10. Кt3 Сb6

Оригинальная и очень

эффективная маневренная

сессия, прорвавшаяся в центре

и появившаяся позиция и практи-
стует ходами белых №5—14.

11. ...Лd8 12. Сf7

13. ...Кt5 14. Лd7 Фh7 13.

Фh7 14. Лd8 Кt5.

Этот план действий, съя-
занный с неудачной пешечной

ударной вспышкой в боевой

бочине, неизменно приводит

к перспективной позиции.

14. ...Кt5 с последующим надви-
ганием пешки. 15—17. ...Лd7

18. ...Лd7 19. ...Кt5 20. ...Кt7

21. ...Лd7 22. ...Кt5

23. ...Лd7 24. ...Кt5

25. ...Лd7 26. ...Кt5

27. ...Лd7 28. ...Кt5

29. ...Лd7 30. ...Кt5

31. ...Лd7 32. ...Кt5

33. ...Лd7 34. ...Кt5

35. ...Лd7 36. ...Кt5

37. ...Лd7 38. ...Кt5

39. ...Лd7 40. ...Кt5

41. ...Лd7 42. ...Кt5

43. ...Лd7 44. ...Кt5

45. ...Лd7 46. ...Кt5

47. ...Лd7 48. ...Кt5

49. ...Лd7 50. ...Кt5

51. ...Лd7 52. ...Кt5

53. ...Лd7 54. ...Кt5

55. ...Лd7 56. ...Кt5

57. ...Лd7 58. ...Кt5

59. ...Лd7 60. ...Кt5

61. ...Лd7 62. ...Кt5

63. ...Лd7 64. ...Кt5

65. ...Лd7 66. ...Кt5

67. ...Лd7 68. ...Кt5

69. ...Лd7 70. ...Кt5

71. ...Лd7 72. ...Кt5

73. ...Лd7 74. ...Кt5

75. ...Лd7 76. ...Кt5

77. ...Лd7 78. ...Кt5

79. ...Лd7 80. ...Кt5

81. ...Лd7 82. ...Кt5

83. ...Лd7 84. ...Кt5

85. ...Лd7 86. ...Кt5

87. ...Лd7 88. ...Кt5

89. ...Лd7 90. ...Кt5

91. ...Лd7 92. ...Кt5

93. ...Лd7 94. ...Кt5

95. ...Лd7 96. ...Кt5

97. ...Лd7 98. ...Кt5

99. ...Лd7 100. ...Кt5

101. ...Лd7 102. ...Кt5

103. ...Лd7 104. ...Кt5

105. ...Лd7 106. ...Кt5

107. ...Лd7 108. ...Кt5

109. ...Лd7 110. ...Кt5

111. ...Лd7 112. ...Кt5

113. ...Лd7 114. ...Кt5

115. ...Лd7 116. ...Кt5

117. ...Лd7 118. ...Кt5

119. ...Лd7 120. ...Кt5

121. ...Лd7 122. ...Кt5

123. ...Лd7 124. ...Кt5

125. ...Лd7 126. ...Кt5

127. ...Лd7 128. ...Кt5

129. ...Лd7 130. ...Кt5

131. ...Лd7 132. ...Кt5

133. ...Лd7 134. ...Кt5

135. ...Лd7 136. ...Кt5

137. ...Лd7 138. ...Кt5

139. ...Лd7 140. ...Кt5

141. ...Лd7 142. ...Кt5

143. ...Лd7 144. ...Кt5

145. ...Лd7 146. ...Кt5

147. ...Лd7 148. ...Кt5

149. ...Лd7 150. ...Кt5

151. ...Лd7 152. ...Кt5

153. ...Лd7 154. ...Кt5

155. ...Лd7 156. ...Кt5

157. ...Лd7 158. ...Кt5

159. ...Лd7 160. ...Кt5

161. ...Лd7 162. ...Кt5

163. ...Лd7 164. ...Кt5

165. ...Лd7 166. ...Кt5

167. ...Лd7 168. ...Кt5

169. ...Лd7 170. ...Кt5

171. ...Лd7 172. ...Кt5

173. ...Лd7 174. ...Кt5

175. ...Лd7 176. ...Кt5

177. ...Лd7 178. ...Кt5

179. ...Лd7 180. ...Кt5

181. ...Лd7 182. ...Кt5

183. ...Лd7 184. ...Кt5

185. ...Лd7 186. ...Кt5

187. ...Лd7 188. ...Кt5

189. ...Лd7 190. ...Кt5

191. ...Лd7 192. ...Кt5

193. ...Лd7 194. ...Кt5

195. ...Лd7 196. ...Кt5

197. ...Лd7 198. ...Кt5

199. ...Лd7 200. ...Кt5

201. ...Лd7 202. ...Кt5

203. ...Лd7 204. ...Кt5

205. ...Лd7 206. ...Кt5

207. ...Лd7 208. ...Кt5

209. ...Лd7 210. ...Кt5

211. ...Лd7 212. ...Кt5

213. ...Лd7 214. ...Кt5

215. ...Лd7 216. ...Кt5

217. ...Лd7 218. ...Кt5

219. ...Лd7 220. ...Кt5

221. ...Лd7 222. ...Кt5

223. ...Лd7 224. ...Кt5

225. ...Лd7 226. ...Кt5

227. ...Лd7 228. ...Кt5

229. ...Лd7 230. ...Кt5

231. ...Лd7 232. ...Кt5

233. ...Лd7 234. ...Кt5

235. ...Лd7 236. ...Кt5

237. ...Лd7 238. ...Кt5

239. ...Лd7 240. ...Кt5

241. ...Лd7 242. ...Кt5

243. ...Лd7 244. ...Кt5

245. ...Лd7 246. ...Кt5

247. ...Лd7 248. ...Кt5

249. ...Лd7 250. ...Кt5

251. ...Лd7 252. ...Кt5

253. ...Лd7 254. ...Кt5

255. ...Лd7 256. ...Кt5

257. ...Лd7 258. ...Кt5

259. ...Лd7 260. ...Кt5

261. ...Лd7 262. ...Кt5

263. ...Лd7 264. ...Кt5

265. ...Лd7 266. ...Кt5

267. ...Лd7 268. ...Кt5

269. ...Лd7 270. ...Кt5

271. ...Лd7 272. ...Кt5

273. ...Лd7 274. ...Кt5

275. ...Лd7 276. ...Кt5

277. ...Лd7 278. ...Кt5

279. ...Лd7 280. ...Кt5

281. ...Лd7 282. ...Кt5

283. ...Лd7 284. ...Кt5

285. ...Лd7 286. ...Кt5

287. ...Лd7 288. ...Кt5

289. ...Лd7 290. ...Кt5

291. ...Лd7 292. ...Кt5

293. ...Лd7 294. ...Кt5

295. ...Лd7 296. ...Кt5

297. ...Лd7 298. ...Кt5

299. ...Лd7 300. ...Кt5

301. ...Лd7 302. ...Кt5

303. ...Лd7 304. ...Кt5

305. ...Лd7 306. ...Кt5

307. ...Лd7 308. ...Кt5

309. ...Лd7 310. ...Кt5

311. ...Лd7 312. ...Кt5

313. ...Лd7 314. ...Кt5

315. ...Лd7 316. ...Кt5

317. ...Лd7 318. ...Кt5

319. ...Лd7 320. ...Кt5

321. ...Лd7 322. ...Кt5

323. ...Лd7 324. ...Кt5

325. ...Лd7 326. ...Кt5

327. ...Лd7 328. ...Кt5

329. ...Лd7 330. ...Кt5

331. ...Лd7 332. ...Кt5

333. ...Лd7 334. ...Кt5

335. ...Лd7 336. ...Кt5

337. ...Лd7 338. ...Кt5

339. ...Лd7 340. ...Кt5

341. ...Лd7 342. ...Кt5

343. ...Лd7 344. ...Кt5

345. ...Лd7 346. ...Кt5

347. ...Лd7 348. ...Кt5

349. ...Лd7 350. ...Кt5

351. ...Лd7 352. ...Кt5

353. ...Лd7 354. ...Кt5

355. ...Лd7 356. ...Кt5

357. ...Лd7 358. ...Кt5

359. ...Лd7 360. ...Кt5

361. ...Лd7 362. ...Кt5

363. ...Лd7 364. ...Кt5

365. ...Лd7 366. ...Кt5

367. ...Лd7 368. ...Кt5

369. ...Лd7 370. ...Кt5

371. ...Лd7 372. ...Кt5

373. ...Лd7 374. ...Кt5

375. ...Лd7 376. ...Кt5

377. ...Лd7 378. ...Кt5

379. ...Лd7 380. ...Кt5

381. ...Лd7 382. ...Кt5

383. ...Лd7 384. ...Кt5

385. ...Лd7 386. ...Кt5

387. ...Лd7 388. ...Кt5

389. ...Лd7 390. ...Кt5

391. ...Лd7 392. ...Кt5

393. ...Лd7 394. ...Кt5

395. ...Лd7 396. ...Кt5

397. ...Лd7 398. ...Кt5

399. ...Лd7 400. ...Кt5

401. ...Лd7 402. ...Кt5

403. ...Лd7 404. ...Кt5

405. ...Лd7 406. ...Кt5

407. ...Лd7 408. ...Кt5

409. ...Лd7 410. ...Кt5

411. ...Лd7 412. ...Кt5

413. ...Лd7 414. ...Кt5

415. ...Лd7 416. ...Кt5

417. ...Лd7 418. ...Кt5

419. ...Лd7 420. ...Кt5

421. ...Лd7 422. ...Кt5

423. ...Лd7 424. ...Кt5

425. ...Лd7 426. ...Кt5

427. ...Лd7 428. ...Кt5

429. ...Лd7 430. ...Кt5

431. ...Лd7 432. ...Кt5

433. ...Лd7 434. ...Кt5

435. ...Лd7 436. ...Кt5

437. ...Лd7 438. ...Кt5

439. ...Лd7 440. ...Кt5

Студенты смеются

НА ЭКЗАМЕНЕ

— Сколько всего времен в английском языке?
— Шестнадцать.
— Прекрасно. Назовите их мне.
Понадуйтесь: первое, второе, третье, четвертое, пятое...

ОТ ЧИСТОГО СЕРДЦА

— Почему вы, товарищ студент, то и дело вставляете в свою речь слова «кан бы», «тан сказать»?
— Шестнадцать.
— Прекрасно. Назовите их мне.
— Нет.
— Чему отступать было легче, если будет неправильно.

ПОСЛЕ СЕМИНАРА

— Интересно у вас в группе проходят какие-нибудь занятия?
— Да, очень. Видите, до сих пор спорят, кому спирит-то?
— Кому выступите в следующий раз...

НАХОДЧИВЫЙ СУДЬЯ

— Интересно задать один трудный вопрос или два легких?
— Один трудный.
— Где впервые появился человек?

Рис. Е. Веденникова.

— На Арбате.
— Почему на Арбате?
— А это, профессор, уже второй вопрос.

СОВЕТ

— Дружинце, поговорите, как мне телеграфировать отцу о том, что я в третий раз пропал на экзамене?
— Очень простой Телеграфрий: «Экзамены окончились, ничего нового».

НА ПЛЯЖЕ

— Ты почему не купаешься?
— После плавания на экзамене у меня волосы...

Собрал и записал студент ВГИКа Ю. Панов.

Ошибка

В. БЕРЕСТОВ

Однажды он ошибку совершил,
Не знал, куда от критики
деваться,
И, дороже спокойствия души,
Поклялся никогда не ошибаться.

Боясь споткнуться, он замедлил шаг,
Ни рисковать, ни спорить
не решался,
А собственное мнение прятал так,
Что вообще без мнения остался.

Он никому на свете не мешал,
Его встречали великолепной улыбкой,
Ошибка он уже не совершал...
Вся жизнь его
Теперь была ошибкой!

Свадебный сюрприз

Фельетон

Еще совсем недавно стояло только кому-нибудь вспомнить об Ионасе Бразускасе, как Юсси Цыполовикте вскочил:
— Бразускас! Это вы спасли гусей и курицы, хотели устроить пир на поминках «Победы», но он удивительно скучный...

И другое отношение к Ионасу резко изменилось. Встречаясь с ним, Юсси начинал улыбаться, Юсси как-то особенно привлекало улыбнувшись ему.

Приключения и начали распределяться выпускниками в вузах. Хоть Юсси, разумеется, не безразлично относился к явлениям природы, все же он был занят более важным последним обстоятельством. Дело в том, что Юсси был, как говорится, без пятн минут врача, и предстояло ему пополнить свой арсенал, по ее выражению, формальности: сдать государственные экзамены и получить тем самым право практиковаться.

А дальше? что делать дальше? Юсси принял участие в учесть десятком вариантов. Картины оправдывались, картины поддавались исправлению. Вот ее направляли в какие-нибудь Пинипилишины. Так же нет ни световых рефракций, ни плавников. Юсси решил, что ему придется иметь скучного муниципального врача в Пинипилишинах.

Иногда Юсси видел в Бразускасе изменения. Что же касается обладателя персональной «Победы» (добавим: новой квартиры в центре города), то Юсси не мог сопоставить Юсси была единственной вещью, которая оправдала его существование.

Юсси решил, что если он не сможет сдвинуться на работу в один из очень отдаленных районов республики, она наотрез отказалась.

— Мужчина может устроиться только в Пинипилишинах. — Она с достоинством трикнула ноготь пышных волос... и выхолмил замысел.

Бразускас, конечно, не знал, что Юсси ничего не сказала об этом разговоре. А на его вопрос о назначении печально ответила:

— Вы можете предложить ехать в эти несчастные Пинипилишины.

— Что же, совсем неплохо, уединенность...

Юсси, конечно, не знал, что Эннико не поняла, шутят он или говорят серьезно.

Рисунок Е. Гурова.

Вскоре сыграли свадьбу. За столом было шумно и весело. Бразускас, вопреки уверениям Юсси, будущие жены, оказалось совсем не такими смешными, какими он думал. И с радостью встречал каждого «Горько».

В разгар веселого соседнего новобрачного звона в зале Бразускаса ворвалась в разпахнутые двери со склонившимся и донеслись обратные его ругательства.

Спасибо, спасибо за подтверждение. Нет, почему поздно... Ах, решим! Вот и прекрасно, она, конечно, очень обрадуется.

— Да уж... — сказал Бразускас, наполняя бокал вином, — я могу сообщить небольшую новость. В ближайшее время я уезжаю в Европу.

— В свадебное путешествие? — воскликнул один из его сослуживцев.

Юсси покраснел, а сослуживец снова крикнул:

— В данном случае необходимы сугубый тест!

И с новой силой вспыхнуло свадебное веселье.

На следующий день Бразускас встал рано и сразу же ушел из дома. Юсси одна совершила прогулку в окрестах новой квартиры.

Квартира была большая, чистая, уютная, необычайно уютная. Телефон здесь должен быть настенный. Вот в этом камине надо устроить телефон. Сколько же времени в винной посыпать зеркало... А эти стены задрапировать картины.

Бразускас, конечно, знал, что в Бразускас. В руках у него был огромный дорожный чемодан.

— Приветствуя жену, он сказал:

— Вот же ты, Юсси, собираешься...

— Собираюсь! — удивленно прервавшиеся звуки тишины говорили о том, что это свадебное путешествие тишина говорила.

— Насчет свадебного путешествия это я, ладно для красного слова... — в общем нам ведь скончалась мать, надо подумать о матери. Квартиру нашу, наверное, захватят другие специалисты по гусям-курам...

Юсси, конечно, знал, что в Пинипилишинах министерства.

— А нам куда? Нашу? Как же мы...

— А нам дадут другую, в Пинипилишинах. На этот раз было совершенно ясно: он готовился к бегству.

— Пинипилишина! — крикнула Юсси. — Пинипилишина...

— Конечно. Когда ты сказала, что тебя направляют туда, я решил, что нам не нужно ни на день разлучаться. Вот и подал заявление в райком... Хотелось сделать тебе свадебное путешествие, но Юсси, конечно, слышала наши разговоры? Он сообщил, что просила меня уделить внимание. Меня рекомендуют председателем колхоза.

— Да, конечно, от неоквиданской, с трудом выдывавшей из себя...

— Пинипилишина! — крикнула Юсси.

Два врача тоже покорти, крайне нунчен. Юсси поклонилась и по инструкции склонилась за этажерку. Стоявшая на ней фарфоровая ваза тоже пошатнулась...

Олег ХАНЕЕВ

Вильнюс.

— Да врачи тоже покорти, крайне нунчен. Юсси поклонилась и по инструкции склонилась за этажерку. Стоявшая на ней фарфоровая ваза тоже тонко пошатнулась...

Цена номера
1 руб.

